

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 261

М.Н. ГУБОГЛО

**ЭТНИЧНОСТЬ КАК
ИСТИНА И КАК ПРАВДА
(опыт лексико-
семантического
исследования)**

**Москва
2017**

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 261

М.Н. Губогло

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ИСТИНА И КАК ПРАВДА

Опыт лексико-семантического исследования

*Исследование проведено и работа подготовлена при поддержке РФФИ,
грант 17-01-00281а, рук. М.Н. Губогло.*

Москва
ИЭА РАН
2017

УДК 39+930.85
ББК 63.5:85.1

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
д.и.н. М.Ю. Мартынова (отв. ред.),
академик РАН В.А. Тишков,
к.и.н. Н.А. Лопуленко.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Г- 93 Губогло М.Н.

Этничность как истина и как правда. Опыт лексико-семантического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2017. – Вып. 261. – 69 с.

Информация, извлеченная преимущественно из произведений художественной литературы и живописи, открывает новые перспективы для нетривиального осмысления концептов истины и правды в их соотношении с концептом этничности. В отличие от этносоциологических и этнополитических исследований с их выводами о безусловной зависимости этнического фактора от социальных и политических ресурсов и о решительном влиянии внешней среды, предлагается вывод о таком понимании душевно-этического и психологического, в системе этнического, когда на передний план выступает то истина, отражающая её примордиальные признаки как объективной реальности, то субъективное восприятие этничности отдельными субъектами, у каждого из которых «своя правда».

ISBN - 978-5-4211-0192-5

© ИЭА РАН – 2017 г.
© М.Н. Губогло – 2017 г.

Губогло М.Н.

Этничность как истина и как правда

Resume

Information extracted mainly from works of fiction and paintings opens up new prospects for a non-trivial comprehension of the concepts of truth and truth in their relation to the concept of ethnicity. In contrast to ethnosociological and ethnopolitical studies with their conclusions about the unconditional dependence of ethnic factor on social and political resources and on the decisive influence of the external environment, a conclusion is proposed about this understanding of the psycho-ethical and psychological -in the ethnic system- when truth comes to the forefront, reflecting its primordial signs as an objective reality, then the subjective perception of ethnicity by individual subjects, each of whom has "his/her own truth".

Содержание

Энергия памяти.....	4
Этничность – вечность или современность? Истина или правда?.....	15
Вызовы переходного времени.....	19
Образы ностальгии – ресурсы идентичности	27
Ностальгия	33
Мостики, омут и бамбук, согнутый под напором ветра... ..	35
Реальность истинная, воображаемая, переживаемая, «правдивая»	40
«Поцелуй Иуды» и «Тайная вечеря» – символизация столкновения добра и зла, добродетельства и предательства	45
Чувство Родины – основа гражданской идентичности	50
Концепты чувств и эмоций.....	54
Этногендерные рефлексии.....	56
Заключение	60
Литература	64

Светлой памяти В.В. Пименова

Энергия памяти

«Нас двое в палате. Я и один узбек.
В час заката и в час восхода мы видим в окно обе вершины Эльбруса.
Я думаю о том, что эти две вершины похожи на бритые,
покрытые ранами головы двух друзей, бесстрашных мюридов Шамиля.
В ту же самую минуты мой сосед говорит:
– Эта двуглавая гора напоминает мне одного
седовласого старца из Бухары, который шёл с двумя блюдами и
вдруг остановился и замер очарованный
открывшимся видом утренней долины».

Расул Гамзатов

«There are two of us in the ward. I and one Uzbek.
At the hour of sunset and at the hour of sunrise
we both see peaks of Elbrus in the window.
I think that these two peaks are similar to shaved,
wounded heads of two friends, the fearless murids of Shamil.
At the same moment my neighbor says:
“This two-headed mountain reminds me
of a gray-haired old man from Bukhara who came (was approaching)
with two dishes and suddenly stopped and froze,
fascinated by the newly opened view of the morning valley”».

Rasul Gamzatov

У каждого из нас остаются в памяти сгустки воспоминаний о наших учителях, коллегах и друзьях по работе или по профессиональным интересам. Я навсегда, например, запомнил редакционную правку в первом варианте моей дипломной работы, которую я писал под руководством научного руководителя Г.Е. Маркова. В той части текста, где говорилось о том, что «В восточных вилайетах Турции Кыршехир, Диярбекир, Ван, Ерзерум, Ескишехир, «в условиях многонационального сожительства, бурно протекают этнические процессы» Геннадий Евгеньевич подчеркнул эту фразу, а на полях рукописи отметил крупными буквами «Ого!» вопросительно-восклицательным знаком и выписал рецепт: «Миша, читайте Лескова». Это было накануне окончания кафедры этнографии МГУ весной 1963 г.

Через 10 лет вышла в свет коллективная монография «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований»¹ Одна из ключевых глав в

ней, как выяснилось при обсуждении с В.В. Пименовым, была названа не вполне удачно: «Этнолингвистические контакты и двуязычие»².

Мне снова захотелось вернуться к «Очарованному страннику» Н.С. Лескова уже по собственной инициативе, чтобы ближе познакомиться с чётким и выразительным языком этого произведения и любимым литературным героем В.В. Пименова.

Дело в том, что при обсуждении вышеупомянутой главы В.В. Пименов в мягкой форме указал, что в главе речь идёт не о процессах в науке «Лингвистике», а о языке, языковой ситуации и этноязыковых процессах, имеющих место за окном академического кабинета, в реальной этноязыковой жизни. При обсуждении этой главы, согласно принятой в советские времена традиции анализировать научную продукцию коллег по институту, я узнал, что Иван Северьянович, в миру господин Флягин или господин Голованов, истинный выразитель русской этничности и носитель русскости, является одним из любимых персонажей В.В. Пименова.

Понятное дело, под влиянием Г.Е. Маркова и В.В. Пименова зародился интерес к художественной литературе как этнографическому источнику, как отображению реальности, в т.ч. к выявлению этничности и этнических особенностей традиционной народной культуры. И хотя я заболел этой темой с давних кафедральных пор, этносоциологические и этнополитические исследования (в 1990-х – нулевых), в т.ч. с зарубежными коллегами, надолго увлекли в сторону. Одной из причин стала острая, непримиримая дискуссия между моими друзьями – Ю.И. Семёновым и В.А. Тишковым о философской теории познания, как отражении реальности, в которую не хотелось ввязываться, т.к. первый был сотрудником ЦИМО, второй – директором ИЭА РАН.

Тем не менее три написанные книги о творчестве двух гагаузских писателей и поэтов – Д.И. Карачобана и С.С. Курогло и о художниках, создавших гагаузскую школу живописи, я издал по совету С.А. Арутюнова в виде трилогии в одном томе «Антропология повседневности»³.

Смысл такого подхода не исходил из механического объединения писательского слова и образа в живописи, потому что, с одной стороны, в литературе слово и смысл, образ и значение, истина и правда дополняют друг друга, а с другой – изобразительное искусство влияет на литературное произведение⁴ и наоборот.

Затухающий сегодня, бесплодный по накалу, на мой взгляд, спор между конструктивистами и примордиалистами, основан на назревающем компромиссе в понимании этничности как интегрального понятия и на её познании как прибавленного, приумноженного смысла. Люди строят модели этнической самоидентичности и своего народа, начиная с самого себя и с соотношения себя с другими людьми. «Карта не есть территория» и образ этничности или пространства не есть слепок с реальных вещей, явлений и событий⁵.

Образ этничности «как одной из форм коллективной идентичности»⁶ состоит из знания о реальном мире и житейского опыта человека, жизненных ценностей культуры, к которой он принадлежит и которые он исповедует, а также из личностных смыслов и вымыслов, придающих индивидуальную окраску его мировосприятию.

Прежде чем обозначить тему моих размышлений об единстве «конструктивизма и примордиализма, как о приумножении смыслов этничности»⁷, рискну напомнить известную мысль В.И. Ленина, которую сторонники радикального конструктивизма в полемическом задоре с примордиалистами, забывчиво предпочитают не упоминать. Подчёркивая творческую креативность сознания и подсознательного процесса, В.И. Ленин утверждал, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»⁸. В этих словах – ключ к пониманию синтеза примордиализма и конструктивизма как истины и правды, как объективного и субъективного в осознании и истолковании этничности.

Картина мира, в т.ч. место этничности и этнического многообразия в нём, создаётся, транслируется, эксплуатируется через пантеон нравственных принципов, моральных и этических норм. Он (пантеон) является объектом профессиональных интересов многих учёных – психологов, философов, историков, специалистов по этике, а также входит в предметную область этнологии с некоторыми периодическими приливами и отливами. На заре нового столетия мы являемся свидетелями новой волны интереса к продуктивному диалогу этических систем народов как на индивидуальном, так и на групповом уровне, как в сфере традиционной, так и профессиональной культуры.

Накат этой волны предопределён вызовами отлучённости носителей ценностей традиционной культуры от исторически сложившихся норм и принципов этической системы, что в свою очередь вызвано современными транснациональными процессами и тектоническими сдвигами в ментальности народов. Отказ от нравственных принципов традиционной культуры, забвение этических норм библейского уровня, сокращение добродетельных основ коллективизма во имя гедонизма (потребительства) и радикализованного индивидуализма, не подкреплённого корневой у нас в России намоленной культурой демократии, приводит сегодня даже сторонников либерализма к пониманию «испорченных мозгов» (Марк Захаров). Неистовая пропаганда гедонистических устремлений и пошлости вместе с попкорном с экрана телевизора и со страниц СМИ приводит к «перезагрузке» – насаждению вместо концептов «советскость», «советский человек» образов некоей «упрощённой личности». Этот современный образ структурируется из примитивной двумерной конструкции: «чёрное – белое», «свой – чужой», «патриот – предатель», «правозащитник – иностранный агент», «верующий – атеист»,

«либерал – консерватор», «успешный – бомж», «отдыхающий на Мальдивах – «выращивающий картошку» на дачном участке.

Размывание этических норм в жизнедеятельности человека и общества ведёт к декультуризации и сопровождается деэтизацией личности и одновременно её деэтнизацией, и потому оказывается равносильным обесчеловечиванию (дегуманизации, деантропологизации) человека, отрыву его от своей истории и корней, что ведёт к деградации нравственных основ духовной жизни, усилению социальной и межэтнической напряжённости. Расширение этического вакуума и дефицит доверия проявляют себя подобно раковой опухоли на здоровом теле современного российского нациестроительства.

Наряду с привнесением проблематики и методики, в т.ч. этничности, в этностатистическое изучение современности с последующим таксонимическим погружением в интерпретацию этностатистических итогов опроса и отчёта, В.В. Пименову принадлежит инициатива обращения к текстам художественной литературы как важному этнологическому источнику⁹.

Одна из его учениц, О.С. Клишина, составила полезный «инструментарий», напоминающий опросный лист для сбора и первичной систематизации этнологической информации, содержащейся в художественном произведении. В него включены «анкетные данные» литературного героя, в т.ч. Ф.И.О. (или местное прозвище), пол, возраст (точная дата), если имеется, если нет – детство, юность, зрелость, старость, имеет ли детей, этническое происхождение (фиксировать так, как записано, – «хохол», «кацап», «жид», «хивяк», «персиянин» и т.д.), сословная принадлежность (дворянин, из духовного сословия, купец, мещанин, крестьянин). С точки зрения задач современной психосемантики, важное значение имеет словарь языка писателя и героя, ономастикон, т.е. личные имена персонажей, географических объектов, этнографические карты, свод этнографических сведений об инфраструктуре и материальной культуре повседневной жизни и, наконец, этнологические факты, образы и события¹⁰.

Мне не раз приходилось восхищаться глубокими знаниями В.В. Пименова произведений русской и зарубежной художественной литературы. Поистине мы, как и многие наши современники – представители «самого читающего народа в мире», были и остаёмся «детьми» классической литературы. В многократно прочитанном В.В. Пименовым издании «Войны и мира» из серии «Школьная библиотека», были подчёркнуты, по свидетельству его супруги Т.С. Гузенковой, «все встречающиеся в тексте упоминания этнонимов и производных от них словосочетаний (русская армия, французское войско, толпа русских лиц, французская шинель и т.д.), географических названий, классов и сословий (дворянство, купечество, крестьянство), представителей местного управления (бурмистр, староста), предметов материальной культуры, одежды и обуви (лапти, казанская шляпа и т.п.)¹¹.

В стремлении постичь истину повседневной и правду душевной жизни, справедливости и доверительности, писатели пропускают их сквозной нитью через своё понимание взаимосвязи истины и правды, через своё сознание и миропонимание, язык, веру, восприятие и интуицию, опираясь как на факты реальности, так и на собственное воображение в меру своего интеллекта и кругозора. В распоряжении исследователя этничности находятся многие этнологические или этнически и этически окрашенные, реальные или декоративные факты: «факт-предмет», (например, указание на бытование тех или иных предметов материальной культуры в среде этноса); «факт-событие» (например, происшествие с конкретным лицом); «факт-процесс» (например, расслоение крестьянской общины в рассказах и повестях о крестьянах); «факт поведенческого акта» (бытовая мораль); «факт сознания» (общественное настроение и дебаты интеллигенции)¹².

В «извлечении» этнически окрашенных истин, т.е. фактов и образов из художественных произведений, немаловажное значение имеет мемуарная литература и воспоминания. «Каждый мемуарист, – писал академик Д.С. Лихачёв в предисловии к «Воспоминаниям» А.Н. Бенуа, – интересен в двух отношениях, в том, что он рассказывает и о чём, и в том, как проступают в рассказываемом его собственная личность, его художественный талант, его воззрения и его эпоха. В обоих этих отношениях воспоминания Александра Бенуа не только исключительно ценны, но и интересны. Он свидетель и он участник. Как свидетель он обладает удивительной памятью и даром художественного обобщения виденного»¹³.

В дополнение к сказанному нельзя не напомнить о многомерном сознании А.Н. Бенуа, его таланте интерпретатора духовных ценностей русской культуры, её метафор и форм, героев и подвигов, пробуждении в нём самом этнического и гражданского самосознания, самоощущения россиянина по мере взросления и глубокого осмысления культуры и хода истории. Не эту ли линию его этнокультурной социализации сочувственно цитирует академик Д.С. Лихачёв? «Не раз уже в течении этих записок (речь идёт о «Воспоминаниях Бенуа» в 5 книгах – М.Г.) я касался того равнодушия, которое я обнаруживал в отношении ко всему национальному, русскому. В качестве продукта типичной петербургской культуры я грешил, если не презрением, то известным пренебрежением и к древней русской живописи, и к характерной русской архитектуре, и к древнерусской литературе»¹⁴.

Несмотря на неоднократно декларируемое космополитическое самоощущение, А.Н. Бенуа признавал за собой страсть «открыть, добиться признания забытым или недостаточно обращавшим на себя внимание его современников духовным ценностям русского искусства, открыть «своё» родное ему в новых явлениях искусства. Всей своей деятельностью, – заключает академик Д.С. Лихачёв, – он заслужил звание патриота»¹⁵. В данном случае, как видно, в понятие «патриотизм» включается и этническая составляющая.

Привлекательная продуктивность далеко идущих замыслов В.В. Пименова, частично реализованных в трудах его учеников и друзей, коллег и сподвижников, о сближении литературных и этнографических источников в изучении этничности, и, добавим от себя – идентичности, сказались в двух областях. Во-первых, он наметил сближение исследований современных этнических процессов в статическом и динамическом аспекте с изучением истории и антропологии повседневности. Во-вторых, он сконструировал этностатистические картины и тренды сохранения и размываемости элементов национальной культуры по их состоянию на вторую половину XX века и сделал это для своего времени ёмко и разумно, обстоятельно и доказательно. И, наконец, в-третьих, успешно развил ранее высказанную Эрихом Фроммом мысль о том, что «Поэзия, музыка и другие виды искусства в силу своей яркости гораздо более подходящие средства для описания человеческих переживаний, потому что они избегают браться за адекватное выражение человеческих переживаний с помощью абстрактных и неопределённых слов, которые уподобились стёртым монетам»¹⁶.

Исторически сложившаяся этическая система в составе традиционной народной культуры находит своё отражение в нравственной парадигме «добро–зло» и формирует человека («очеловечивает» или «доочеловечивает»), живущего, как принято у гагаузов, по принципу «Инсан маана булмасын» – «Чтобы люди не осудили», воспитывает человека, исповедующего долг как добро. Наряду с литературой, живописью и другими видами искусства, немалую роль в народном самосознании и в этической социализации человека играют музеи, экспонаты смысл существования которых неотделим от нравственности. В человеке «обитает разум не только понимающий, но и чувствующий утраты, скорбящий о них, ибо музей – храм поминовения тех, кого должно и можно воскресить совокупными усилиями сынов, не забывших долга относительно отцов»¹⁷.

Восприятие этики как науки, изучающей правила («Грамматику») жизни, в т.ч. связи, складывающиеся между людьми в их практическом взаимодействии, выводит на передний план актуальных этноэтических исследований изучение идентичности как взаимодействия людей друг с другом при усвоении и исповедании норм и принципов этики. Важным условием сосуществования идентичностей выступает наличие «поля доверия», как части социального капитала социума.

Изначально перед имплантацией информации из художественной литературы, изобразительного и театрального искусства в лоно этнологии, этносоциологии и социальной психологии, стояла задача отсутствия чётких, практически и теоретически апробированных дефиниций этничности. На рубеже 1960–1970-х гг. в работах советских исследователей, получивших этнографическое образование, понятие этничности употреблялось стихийно, как само собой разумеющееся, без серьёзных концептуальных попыток выработать ясную и чёткую дефиницию. На-

личие у человека этнических черт, как и этических навыков и норм, сближающих его со своим народом, признавалось как само собой разумеющееся.

«Девятый вал» дефиниций этничности и этнической идентичности обрушился в гуманитарное знание на рубеже столетий, став в известной мере откликом на серию исследований, посвящённых современным этническим процессам, и, в конечном счёте, – ответом на вызовы глобализации, в котором многие усмотрели явную или мнимую угрозу этничности, самобытности, традиционализму. Им несть числа... и, пожалуй, нет смысла в данном случае попытаться их перечислять.

Разногласия в осмыслении этничности и этнической идентичности в значительной мере обусловлена тем, что функции ИСТИНЫ стремятся к попыткам свести множественность к единичности, в то время как функции ПРАВДЫ допускают множественность рефлексий и интерпретаций. Истина, например, состоит в том, что 31 марта 1814 г. русские казаки вступили в Париж, а 22 июня 1941 г. гитлеровские войска вероломно напали на Советский Союз. В мае 1945 г. зная победы было установлено над зданием рейхстага. Однако за взятие рейхстага и водружение знамени победы было представлено к награде 100 человек.

Истина заключается в том, что согласно Бухарестскому миру 1812 г. граница Бессарабии как части Молдавского княжества была проведена по р. Прут, хотя по правде некоторых исследователей и общественных деятелей, её надо было бы провести гораздо западнее по реке, согласно исторически сложившимся границам Молдавского княжества. Того самого государства, 650-летие которого недавно в Гагаузии отмечали с более глубоко выраженным энтузиазмом и воодушевлением, чем в Кишинёве¹⁸.

В БСЭ читаем: «Хазарский каганат, раннефеодальное гос. образование, возникшее в сер. VII в. на территории Нижнего Поволжья и восточной части Сев. Кавказа в результате распада Зап.-Тюркского каганата. <...> Хазары, кочевой тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV век). В 60-х годах VI в. Хазары были покорены Тюркским каганатом. С середины VII века создали Хазарский каганат, после его падения растворились в среде тюркских кочевых народов. <...> В 60-х годах X века русский князь Святослав Игоревич совершил походы (964, 965) на Волгу и разгромил Хазарский каганат¹⁹. Допустим, что это истина, однако

Относительно этнической и религиозной идентичности хазар, сущности хазарской государственности, взаимоотношений с Киевской Русью в художественной и исторической литературе, в политических штудиях и полемике было создано (сконструировано) невероятное количество образов хазар и населения Хазарии, вероисповедания, культурного облика населения этой страны, его взаимоотношений с соседями. На заре нового XXI тысячелетия потребовался фундамен-

тальный компендиум, чтобы проследить перечень многочисленных образов хазар и Хазарского каганата, представляющих собой на протяжении 100–150 лет «свою правду» каждого автора, взявшегося писать о «тайне» Хазарии. Попытки разобраться в «хазарской истине» представляют собой едва ли не самый плотный, многочисленный набор «правд», в совокупности составивших «Хазарский миф»²⁰.

В краткой, но ёмкой аннотации к характеристике этих попыток указано, что «во-первых, даётся история научных изысканий, причём анализируется, как окружающая политическая обстановка оказывала влияние на те или иные научные интерпретации полученных материалов. Во-вторых, показывается, какие именно общественные силы и почему были заинтересованы в обсуждении хазарской проблематики. В этом контексте исследуются образы хазар, создаваемые различными интеллектуалами в зависимости от их политических склонностей. В-третьих, обсуждаются различные интерпретации хазарской тематики и показывается их прямая зависимость от политических установок их авторов. В-четвёртых, даётся представление о том, как по-разному хазарская тематика представлена в общественно-политических трактатах и памфлетах, в художественных романах и в школьных учебниках. Наконец, в-пятых, проводится сравнительный анализ всей этой деятельности в России и на Украине»²¹.

Признавая «Хазарский миф» уникальным, едва ли не самым красноречивым примером исторического образа, порождением неисчислимых «правд» по поводу единственной истины, я принимаю его в качестве убедительного аргумента для исследования литературных и изобразительных образов как источников осмысления этничности.

Ещё одним, не менее вдохновляющим подходом в освоении этничности и идентичности как истины, а также этничности и деэтничности как правды, служит новое антропогеографическое направление, складывающееся в Институте этнологии и антропологии РАН по изучению образов пространств и народов²².

По мысли антропогеографски настроенных инициаторов этого направления образы территорий, регионов и мест, представляющих часть «культуры пространств», «отражают не столько саму реальность, сколько общественную атмосферу и конкретный период в конкретной ситуации»²³.

Речь в таких образах, однако, идёт не об ощущениях человека, создаваемых его индивидуальным душевным настроением, а скорее об искусственно созданных, «готовых» художественных образах, внешних по отношению к самому читателю, зрителю. Особенность «внешнего» образа состоит в том, что он по-разному воспринимается трактористом и писателем, полеводом и композитором. Одной из значимых заслуг основоположника советской этносоциологии Ю.В. Арутюняна состояла в открытии того, что молдавский тракторист по своему культурному образу (облику) был ближе к эстонскому трактористу, чем к молдавскому писателю.

Это кончилось тем, что трактористы остались ориентированными на культуру России и Советского Союза, в то время как молдавские писатели решили отказаться от суверенности и государственности с тем, чтобы войти в состав соседнего государства, а их эстонские коллеги – вступить в НАТО.

Исследовательское поле, обстоятельно обрабатываемое В.К. Мальковой, в т.ч. разработанное ею понятие «презентации», как образа пространства, восходит к идеям зарубежных и отечественных учёных, склонных к антропогеографизации пространства и населения²⁴. Такой подход позволяет «отобрать и тщательно подготовить наиболее важную и привлекательную информацию о своей республике, о её сегодняшних достижениях и о стратегиях на будущее»²⁵.

Обращение к литературе и живописи как источникам изучения этничности, выдвинуло передо мной задачу исследования значений в концептах истина и правда. Наиболее продвинутыми в этом плане, как мне показалось, явились исследования в области филологии, психологии и философии, особенно в связанной с ними психосемантике и психолингвистике. В качестве навигатора в малоизвестных в среде этносоциологических исследований трудов стали для меня две книги В.Ф. Петренко, одна из которых была подготовлена им с соавторами «Психосемантический анализ этнических стереотипов: языки толерантности и нетерпимости» (2006), и другая «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» (2010) – его индивидуальная монография.

Среди бесчисленных сторонников конструктивизма, пытающихся представить этнические общности как воображаемые картины мира, мало кому удалось, подобно В.Ф. Петренко, с предельной ясностью изобразить суть новомодного подхода, под влияние которого на рубеже тысячелетий попали многие из бывших этнографов вместе с влиятельными коллегами из других отраслей гуманитарного знания. «Современный конструктивизм, – считает В.Ф. Петренко, – трактует образ мира человека, в отличие от теории отражения, как некоторую построенную субъектом – на основе усвоения культуры и с помощью других людей – плюралистическую модель, характеризующуюся не степенью истинности, ибо неясно, что является носителем последней, а мерой адекватности бытию и собственным целям, рядоположенную моделям мира других людей, доступную трансформации, целенаправленной коррекции и развитию»²⁶.

Трудно переоценить методологическое значение приведённого высказывания. В нём сделан смелый и серьёзный шаг от антропологических и этносоциологических выводов о безусловной зависимости этнической ментальности и поведения субъекта от социальных факторов и влияния внешней среды в сторону психоанализа, когда такие концепты как истина, правда, справедливость, свобода могут выступать не только как результат социального воздействия, а быть «истинными стремлениями человека»²⁷.

Мне как этносоциологу и этнографу особо привлекательной кажется психоаналитическое открытие того, что «человеческое поведение при этом рассматривается не как реакция на предметную или социальную ситуацию, а скорее как вопрос, который субъект задаёт миру в целях понять мир и себя и соответственно построить адекватный образ мира»²⁸.

В название статьи я вынес три концепта: этничность, истина и правда, к двум последним из которых, как важным единицам сознания, особое внимание проявляют филологи, подвергая анализ лексико-семантических значений, этимологическую историю, и занимаемое место в традиционной культуре народа. В каждом из концептов проявляется антропонимическая связь с морально-этическими качествами человека, в т.ч. с такими, как честность, искренность, откровенность, порядочность, «схватываемыми» художественной литературой более пронзительно, чем скучными порой научными социологическими выкладками.

Не будем углубляться в специальную концептологическую историографию, она приведена в нескольких новейших диссертационных работах, в которых наиболее часто упоминается исследование правды и истины рядом отечественных и зарубежных исследователей. При этом выделяются направления, основанные на логическом подходе (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов), психолингвистическом (А.А. Залеваха), лингвистическом (А.П. Бабушкин), философском (В.В. Колесов, А.Г. Лисицин), психологическом (Д.С. Лихачёв, М.А. Холодная), интегративном (С.Х. Ляпин, В.И. Карасик), лингвострановедческом (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ф.Ф. Фахрутдинов).

В то же время, мало кто обращался к специальному изучению лексем «истина» и «правда» и того, как они соотносятся с основными течениями этнологии и антропологии в осмыслении этничности, советскости, этнической или гражданской идентичности. Актуальность задачи определяется гипотезой о том, что в текстах художественной литературы и в произведениях живописи, в наиболее выразительной форме отражаются специфические признаки, особенности, способы реализации и манифестации этничности, а также соотношение социально-рационального и этико-эмоционального в воображении и конструировании этничности на личностном и групповом уровне.

Характерной особенностью современного этнологического/антропологического знания выступает понимание нетривиального взаимоотношения концептов истины и правды с концептом этничности. Эта связь, можно думать, представляет особого рода парадигму, в которой на передний план выступает то истина, отражающая примордиальные признаки этничности, как объективной реальности, то субъективное восприятие этничности отдельными субъектами, у каждого из которых «своя этническая правда».

Концепты истины и правды, впервые избранные для анализа их соотношения с концептом этничности, оказались весьма полезными для выявления, отражения и формирования эмоционально-семантического смысла и пространства этничности и этнической принадлежности личности, а структурно-понятийная составляющая – для номинации базовых и периферийных компонентов внутреннего пространства этничности. Оба концепта представляют часть ментальности личности и этнической системы народной культуры, раскрывающие соотношение этничности с такими гуманистическими категориями как совесть, судьба, труд, грех, душа, дружба, верность, честность, искренность, свобода.

В философской и психологической традиции давно установилась парадигма, согласно которой понимание людьми друг друга путём адекватного восприятия языковых концептов, в т.ч. истины и правды, выступает универсальным способом бытия человека. Человек практически не может жить в непонятном ему мире, в котором языковые концепты представляют ментально-культурный код этничности, воспринимаемый одновременно как истина, как единичность и как индивидуально воспринимаемая правда.

Этничность – вечность или современность? Истина или правда?

«И познать истину,
и истина делает вас свободными».
БИБЛИЯ. От Иоанна 8:32

Во втором издании книги «Наш современник. Шекспир» (М., 1966), увидевшей свет через 350 лет после смерти Шекспира, выдающийся советский кинорежиссёр Григорий Михайлович Козинцев пишет: «Недавно в Англии мне удалось повидать места, связанные с искусством Шекспира. Но вместе со старинными домами и замками в памяти появлялись и другие воображаемые пейзажи (подчёркнуто мной. – М.Г.): их очертания задолго до поездки создала сама поэзия автора. Иногда реальность совпадала с изображением; нередко увиденное отличалось от казавшегося. Я попытался понять причины совпадения и отличия, это натолкнуло меня на мысли о некоторых свойствах шекспировской поэзии»²⁹.

Между тем, назвав одну из глав этой книги «Шекспировские пейзажи», Г.М. Козинцев пояснил, что речь в ней пойдёт не только о пейзажах, но и о портретах, вещах, статуях. И самый первый – это подробный, увлекательный рассказ режиссёра фильма «Гамлет», о посещении им библиотеки Британского музея, и как ему посчастливилось держать в руках первое издание шекспировских пьес.

С присущей англичанам аристократической вежливостью хранитель музея оставил советского режиссёра наедине с реликвией, чтобы не только увидеть, но и потрогать руками, чтобы осознать значимость и правду одной из «величайших библиографических редкостей». И далее снова дословный рассказ Г.М. Козинцева: «Мы с ней наедине, с этой книгой. Я раскрываю кожаный переплёт: потемневшая старинная бумага, бережно разглаженная величайшими специалистами библиотечного дела, глубокая чёрная печать, одно из первых тиснений. «Господин Вильяма Шекспира комедии хроники и трагедии»... Под заголовком гравюра голландского художника Друсхоута. На тёмном фоне лицо мужчины с большими спокойными глазами, лоб полысел, волосы закрывают уши. Кто же этот человек? Автор бессмертных произведений или попросту вымысел художника? Бен Джонсон в стихах, посвящённых памяти Шекспира, советовал смотреть не на черты портрета, но постичь свойства ума, души писателя. <...> Теперь количество изданий Шекспира на всех языках неисчислимо. Однако фолио в Британском музее только пять. <...> Трудно не задуматься над тем, как быстро дряхлеет, становится архаичным многое из написанного о Шекспире, однако сами произведения хранят всю свою жизненную силу»³⁰.

Приведённые, понятное дело, с извинениями, длинные выписки из книги Г. Козинцева, могли бы достойно послужить не только эпиграфом к размышлени-

ям об единстве примордиализма и конструктивизма как об истине (первом издании произведений В. Шекспира) и правде (изданиях неисчислимых интерпретаторов), но и брендом к новой психосемантической теории, суть которой обстоятельно и наилучшим образом раскрыта в книге члена-корреспондента РАН В.Ф. Петренко³¹.

«Как хорошо, – завершает свой рассказ Г.М. Козинцев, – что мне удалось познакомиться с фолио именно так, в пустой комнате книгохранилища, держа в руках это издание. Но насколько труднее "потрогать руками" жизнь, отражённую этой книгой»³².

Рассмотренные ниже примеры из художественной литературы и живописи ни в коей мере не претендуют на истину моих суждений о них, а являются лишь одной из многих возможных «правд», именно моей правдой.

В данной работе ставится задача обсудить примеры из художественной литературы и живописи, особенно тех произведений живописи, которые основаны на литературных текстах, и поэтому обладающие многомерным смысловым потенциалом для воображения. «Любите живопись, поэты, – призывал известный поэт трудной судьбы Н. Заболоцкий (1903–1958), сторонник и один из создателей натурфилософии в поэзии, – лишь ей, единственной, дано души изменчивой приметы переносить на полотно»³³.

Обращение к литературным и живописным произведениям даёт важный импульс для восприятия соотношения между примордиализмом и конструктивизмом как между истиной, стремящейся к единственности, и правдой, которая может быть разной во времени, в пространстве и в личностной рефлексии.

«У каждого своя правда», – гласит мудрость отцов и пращуров, – «но истина бывает только одна!»* Очень часто убеждаются современники, что «своя правда» приносит людям страдания, т.к. расходится с истиной. Согласимся, что истина, как принято считать с давних пор, – это нечто единое и неизменное, а правда – то, как каждый отдельный человек видит эту истину в данный момент времени.

«Какая разница между правдой и ложью? – спросили у мудреца
– Да такая, как между ушами и глазами, – ответил он.
– То, что мы видим своими глазами, – истина, а то, что слышим ушами, далеко не всегда правда».

* Притчам о правде, понимаемой подобным образом, несть числа... Она звучит в застольных тостах, в ответах мудрецов, выступающих арбитрами между спорщиками: «К мудрецу пришли двое спорщиков с просьбой рассудить их. Тот внимательно выслушал сначала истца <...> и заявил: "Да, ты прав". А потом другого и сказал: "Ты совершенно прав". Тут вмешалась жена мудреца: "Как это может быть, чтобы оба спорщика были правы?" – спросила она тихо у мужа. Мудрец глубокомысленно промолчал, подумал и сказал ей: "Знаешь, ты тоже права!" Этот тост – за тех, кто всегда прав!»

Всесторонний анализ диалога культур и цивилизаций, предпринятый в программе многократных Лихачёвских чтений, даёт немало примеров большей долговечности истины по сравнению с правдой. Аналогия с бинарным подходом – примордиализмом и конструктивизмом ведёт к осторожному выводу о бесплодности дискуссий последнего десятилетия прошлого столетия о непримиримости этих двух подходов при исследовании освоения и усвоения этничности, её статике и семантики, как в статике, нашедшей выражение в теории этноса, так и в динамике, популярной в 1970–1980-е гг. теории современных этнических процессов и этнических явлений.

Актуальность исследования этничности в рамках парадигмы бинарных оппозиций и теории синтеза двух подходов примордиализма и конструктивизма возрастает при исследовании межэтнических отношений. «Задача заключается в том, чтобы противопоставить глобализму национальные ценности, идею самобытности каждого народа и его культуры. Если глобализм невозможно преодолеть полностью, ибо он связан с современным научно-техническим прогрессом, то, по крайней мере, следует затормозить его развитие, чтобы обеспечить сохранение национальных форм культуры и быта и дать им возможность в некоторой степени адаптироваться к нему. В этих условиях будет возможно культурное и социальное развитие на основе лучших традиций»³⁴.

Современные идеи и концепции о диалоге культур и о необходимости сохранения самобытности восходят к трудам Ж.Ж. Руссо, И.Г. Гердера, И. Канта, О. Шпенглера, А. Тойнби и других представителей культурно-антропологической школы. Решительным противником нивелирования различий между культурами выступал Ж.Ж. Руссо.

В поисках равноправного диалога между Западом и Востоком, между странами ближнего зарубежья и даже между различными республиками, как субъектами Российской Федерации, иногда ссылаются на необходимость и возможность духовно-нравственной основы общечеловеческой справедливости и солидарности. С таким подходом можно было бы согласиться, не предаваясь иллюзиям, памятуя, однако, что человеческая природа осталась прежней, а попытки состыковать на практике оригинальные и самобытные системы этических ценностей серьёзно никто не предпринимал и не исследовал.

В новейшей истории это подтвердилось печальным опытом перестройки, предпринятой М.С. Горбачёвым, проповеди которой относительно «общечеловеческих» ценностей поощрялись на Западе на словах, но на деле были использованы против него лично и против Советского Союза³⁵.

В отличие от западной культуры, более связанной с индивидуализмом, с обособленностью гражданского права от морали, религии, политики, элементы восточной культуры, в т.ч. в сфере этики и эстетики, ориентированы скорее на

коллективизм, на развитой институт общественного мнения, который, ориентирует на соблюдение справедливости, на искренность и благожелательность в отношениях между людьми, на уважение к старшим, сохранение семейных устоев и т.п., а в итоге – укрепляет единство общества и человека.

Понятие «этический менталитет» является одним из фундаментальных в общей теории и практике народной культуры. Без этического пантеона как структурного элемента этнической истории и повседневной жизни невозможно уловить сущность этничности и этнических процессов. Трудно понять идейные и содержательные основы примордиального и конструктивистского подходов, относимых к концепции истины и правды.

Этика вместе с эстетикой составляют центральное ядро этнического самосознания, мотивацию духовных потребностей. В них отражаются накопленные культурные ценности, этнокультурные стереотипы, жизненный опыт.

Принципы и нормы этики во многом обуславливают и обеспечивают специфичное восприятие окружающего мира, а также служат важнейшим фактором в определении идентичности и поведения человека и одновременно формируют специфичную направленность правового сознания.

Сравнительное лексико-семантическое и этносоциологическое исследование этнической и особенно этической системы в народной культуре гагаузов и соседних с ними народов даёт возможность выявить даже не очень заметные различия в унаследованных элементах восточной культуры, с одной стороны, и западных – с другой. Восточная традиция этических норм проявляется в следах прошлой кочевой жизни, западная – в отголосках имевшего место в прошлом диалога православной и исламской культур³⁶.

Вызовы переходного времени

«Русских невозможно победить,
мы убедились в этом за сотни лет.
Но русским можно привить лживые ценности,
и тогда они победят сами себя».
Отто фон Бисмарк

Массовые проявления обесчеловечивания (ослабления моральных норм и функций этических принципов) возникают на переломных периодах российской истории, когда надвигаются или свершаются революции, государственные перевороты и иные социальные смуты и катаклизмы, разрушающие ход намоленной (мирной, налаженной) жизни. Из бесчисленного множества примеров «революционного пожара в умах» назову несколько наиболее известных в отечественной классической литературе.

Один из таких переходных периодов российской истории происходил на наших глазах на исходе XX века. Он был связан сначала с инициированной политической верхушкой КПСС перестройкой и её курсом на «общечеловеческие ценности», а чуть позднее – курсом России на капитализм, конкурентность, индивидуализм, гедонизм, бездуховность, навязанным стране ельцинско-гайдаровской командой и солидарной с ней либеральной частью российской интеллигенции. По истечении почти двух десятилетий нового XXI столетия до сих пор не реализована в полной мере задача этнологии/антропологии по созданию «этнографии советскости» (В.А. Тишков). А это означает, что отказ гуманитариев и части политических деятелей от многих сложившихся и насаждавшихся в советские времена идеологием, действительно отживших свой век и приводивших советских людей в отчаяние и глухое раздражение, повлек за собой деидеологизацию, дегуманизацию и освобождение от этики вообще.

Деидеологизация обернулась декультурализацией, деморализацией и завершилась аморализацией, став одним из факторов расчеловечивания. Сегодня многие согласны с тем, что важнейшей задачей этнологии/антропологии является исследование проблем, связанных с восстановлением «в правах» категорий (концептов) добра и зла, хорошего и плохого, стыда и бесстыдства. Охлаждение контроля общественного мнения за этими ценностями ведёт к полной деградации, к тому, что можно назвать, пользуясь богатством русского языка, ёмким, точным словом – «беспредел».

Собравшись по научному цеху, наши социологи и философы, серьёзно преуспели в создании, точнее в обновлении особого научного направления – социологии морали (В.М. Соколов). Нельзя не согласиться, что моральные и этические ценности в каждой традиционной культуре народов России были определены с

давних пор. «Моральный кодекс строителей коммунизма», хотя и подвергался издевательствам и насмешкам, но его значительная часть представляла собой, хотя и в трансформированном виде, – евангельские ценности.

Сегодня борьба с расчеловечиванием во имя очеловечивания стоит в одном ряду с борьбой с наркотиками, СПИДом, пьянством, терроризмом, коррупцией, матерщиной, т.е. со всем тем, что открывает путь к деградации и «обесчеловечиванию, окончательному одичанию и озверению»³⁷.

Российской философии принадлежит мысль о том, что суть человека и его отличие от остального животного мира состоит в чувстве сострадания и чувстве стыда. «И если мы, – согласимся с член-корреспондентом РАН Н.Н. Скатовым, – пусть даже не абсолютизируя, учтём эту позицию, то вынуждены будем констатировать стремительный процесс расчеловечивания»³⁸.

Перечитывая Лескова, Салтыкова-Щедрина, мечтавшего о «тоске проснувшегося стыда», мы воздаём должное тем западным исследователям, которые своевременно выдвинули на повестку дня изучение стыда как одного из регуляторов межличностных отношений.

Возникнув в Западной Европе несколько десятилетий назад, социология эмоций включает в свою предметную область изучение стыда и стремится получить ответы на три ключевых вопроса: что такое эмоции, каково в них соотношение рационального и иррационального, каково сочетание биологического и социального? Значительно опередив знаменитую американскую исследовательницу Рут Бенедикт с её классическим трудом, в котором она показала связь стыда с некоторыми сферами общественной жизни, Салтыков-Щедрин писал: «Стыд – хорошее здоровое чувство – при случае может быть рекомендован в качестве целесообразного практического средства. Нужно, чтобы возможно большее количество людей почувствовали стыд»³⁹.

Одним из самых пронзительных описаний «помрачения умов» и приумножения «правд» в деле разрушения этических и нравственных норм и деструктивных акций по отношению к этничности, служат дневниковые записки И.А. Бунина о его непосредственных впечатлениях от событий в России в 1918–1920-е гг. Его «Окаянные дни» длительное время оставались недоступными советском читателю.

Редкостный талант И.А. Бунина помогает конструировать душераздирающие образы, например, «пламенного борца» за революцию: «во рту слюна, глаза яростно смотрят сквозь криво висящее пенсне, галстучек вылез на грязный бумажный воротничок, жилет запылённый, на плечах кургузого пиджачка – перхоть, сальные жидкие волосы всклокочены. И эта гадюка одержима "пламенной, беззаветной любовью к человеку", "жаждой красоты, добра и справедливости"»⁴⁰.

Будущему лауреату Нобелевской премии видится мрачная картина перехода города из одного состояния в другое: «Город становится "красным", и сразу меняется толпа, наполняющая улицы. На новых лицах нет обыденности, простоты. Все они резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, угрюмо-холуйским вызовом всему и всем»⁴¹.

«Главная черта красноармейца – распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылке, на лоб падает "шевелюр". Одеты в сборную рвань. <...> Часовые сидят у входов реквизированных домов, развалившись в креслах. Иногда сидит просто босяк, на поясе браунинг, с одного боку висит немецкий тесак, с другого кинжал»⁴².

Накануне эмиграции, на протяжении более года, наблюдая варварский хаос в Одессе, И.А. Бунин вспомнил слова Наполеона: «Что сделало революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие»⁴³.

О трагедии смутных времён в истории России и о разгуле «расчеловечивания» писали многие известные деятели науки и культуры России. Так, например, одной из причин большевистского террора автор исторических романов Марк Алданов считал безграничное честолюбие авантюристов, которые в октябре 1917 г. пустили в ход могучий социальный рычаг ненависти: крестьянина к помещику, рабочего к капиталисту, солдата к офицеру, людей не носящих пиджака, к людям, носящим пиджак.

Повторяемость турбулентности российского общества в страшные времена той или иной смуты, зыбкость общественного мнения, шаткость частных и групповых идентичностей, взрывоопасный общественный настрой при смене исторически сложившихся этических и моральных норм и принципов, торжество зла над добром – всё это И. Бунин сопровождает цитатами из классических исторических трудов.

С. Соловьёв в эпизоде о смутном времени пишет: «Среди духовной тьмы молодого, неуравновешенного народа, как всюду недовольного, особенно легко возникали смуты, колебания, шаткость... И вот они опять возникли в огромном размере... Дух материальности, неосмысленной воли, грубого своекорыстия повеял губительно на Русь... У добрых отняли руки, у злых развязалось на всякое зло... Толпы отверженников, подонков общества потянулись на опустошение своего дома под знамёнами разноплеменных вожаков, самозванцев, преступников, честолюбцев»⁴⁴.

Нетрудно заметить, что великий писатель-белоэмигрант Бунин не сильно zaangażированный на разоблачение роли этнического фактора, тем не менее находит в мыслях С. Соловьёва глухой намёк на деструктивную роль этничности в смутные периоды русской истории.

В остросужетном фрагменте о восстании Степана Разина Н. Костомаров дополняет картину смутного времени: «Народ пошёл за Стенькой обманываемый, разжигаемый, многого не понимая толком... Были посулы, привады, а уже возле них всегда капкан... Поднялись все азиатцы, всё язычество, зыряне, мордва, чувашаи, черемисы, башкиры, которые бунтовались и резались, сами не зная за что... Шли "прелестные письма" Стеньки – "иду на бояр, приказных и всякую власть, учиню равенство..." Дозволен будет полный грабёж... Стенька, его присные, его воинство были пьяны от вина и крови... возненавидели законы, общество, религию, всё, что стесняло личные побуждения... дышали мезтью и завистью... составлялись из беглых воров, лентяев... Всей этой сволочи и черни Стенька обещал во всём полную волю, а на деле забрал в кабалу, в полное рабство, малейшее ослушание наказывалось смертью истязательной, всех величал братьями, а все падали ниц перед ним»⁴⁵.

Хотя справедливости ради надо сказать, что рефлексивная «добавка» к истине, т.е. конструктивная поправка примордиальной сути социальной ситуации, как и этничности, не всегда оказывается адекватной реальности или искажающей её и вызывающей протест у носителей этничности.

Накануне распада Советского Союза, в пору грядущей взвинченной этнической идентичности и взбудораженного этнического сознания разразился нештучный литературный скандал из-за неудачной рефлексии, попавшей в рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Рассказ был напечатан в 1984 г. в журнале «Наш современник». Позднее, вместе с заново написанным предисловием и послесловием, был включён в его полное собрание сочинений.

Я и мои коллеги по научному цеху, участники этносоциологических исследований в Грузии, Молдавии, Узбекистане и в других союзных республиках бывшего Советского Союза с удивлением встретили чрезмерно эмоциональные впечатления, реакцию и рефлексии выдающегося русского писателя Виктора Астафьева на некоторые особенности «грузинскости» – этничности отдельных представителей грузинского народа. Грузин, торгующий фруктами и цветами в городах России, ему виделся «Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит по всем российским базарам вплоть до Мурманска и Норильска с пренебрежением обдирая доверчивый северный народ подгнившими фруктами или мятыми полумёртвыми цветами. Жадный, безграмотный, из тех, кого в России уничижительно зовут "копеечная душа", везде он распоясан, везде с растопыренными карманами, от невымытых рук залоснившимися, везде он швыряет деньги, но дома учитывает жену, детей, родителей в медяках, развёл он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом...»⁴⁶. Эта метафора, как бомба, взорвала грузинскую пишущую элиту вопреки тому, что в том же рассказе русский писатель дал высо-

чайшую оценку сохранившемуся из средневековья всемирно известному грузинскому университету Гелати.

Совсем по иному виделась этничность грузин (грузинскость) Отару, грузину по национальности, другу Виктора Астафьева по литературным курсам, где довелось им в своё время вместе повышать свой образовательный и культурный уровень, свою профессиональную подготовку. «Смотри на этот Грузыя, на этот грузын, – призывал Отар, увозя Астафьева к себе домой, показывая нерушимые каноны и традиции грузинского гостеприимства. – Народ по рукам надо знать, которые держат мотыгу, а не по тем, кто хватает рубли на рынке. Тут есть генацвале, которые с гор спускаются на рынок, чтобы с народом повидаться, чтоб видно было, что не напрасно шёл. Цц-элый дэн просидит, выпит маленько з друзьями, поговорит, на элэн свою лицом посмотрит, потом бросит её козам и отправится за тридцать километров обратно и цц-целый год будет вспоминать, как он хорошо провёл время на рынке»⁴⁷.

Читая «Окаянные дни» И.А. Бунина о революционной вакханалии, вспоминая обиды грузинских интеллектуалов, горячие дискуссии по поводу «Ловли пескарей в Грузии» на страницах «Литературной Грузии», «Нашего современника» и других советских журналов, издававшихся массовыми тиражами, невольно вспоминаются упомянутые здесь и многие другие «окаянные дни», характеристика которых служит примерами синтеза реалистических описаний и авторских рефлексий, иными словами – синтеза основополагающих принципов конструктивизма и примордиализма. Благодаря синтезу, внешне разные во времени и по содержанию образы адекватно передают суть феномена – разрушение человеческого облика, осквернение, надругательство, бесконечный цинизм и лицедейство, калечащие душу, превращающие жизнь в медленную смерть без ценностей, без этических норм и принципов. Становится страшно подумать, что нечто подобное имеет место в душе современника.

Как образы литературных произведений или мостики, колодцы с журавлём, родники на полотнах живописцев, так и храм в Гелати или красочно ухоженные родники в Гагаузии и Грузии в душе русского писателя пробуждают гнев, готовый обрушиться на головы «современных осквернителей храмов, завоевателей, богохульников и горлопанов, низвергая вселенский свинцовый дождь – последний карающий дождь – на всех человеконенавистников, на гонителей чистой морали, культуры, всегда создаваемой для мира и умиротворения, всегда бесстрашно выходящей с открытым, добрым взором, с рукой, занесённой для благословления труду, любви, против насилия, сабель, ружей и бомб»⁴⁸. Такое видение – это правда настоящего Астафьева. Но у него есть и правда будущего.

«Кланяйтесь, люди, поэтам и творцам земным – они были, есть и останутся нашим небом, воздухом, твердью нашей под ногами, нашей надеждой и уповани-

ем. <...> Сохрани, земля, своих певцов, и они восславят тебя, вдохнут в твои стынувшие недра жар своего сердца. <...> Берегите, жалейте и любите, земляне, тех избранных, которые даны вам природой, не только для украшения дней ваших, в усладу слуха, убажнение души, но и во спасение всего живого и светлого на нашей земле. Быть может, им – более надеяться не на кого – удастся остановить руку современного убийцы с бомбой, занесённую над нашей горькой головой»⁴⁹.

Лауреату Нобелевской премии И.А. Бунину «Окаянные дни» потерянной Императорской России виделись «пламенем красным». Талантливому русскому поэту, едва ли не самому пронзительному певцу ностальгии белой эмиграции – Игорю Чиннову не менее трагично:

«Помнишь о ветре,
Бившем деревья?
...
Скучно повисли
Мёртвые ветви.
Мука при жизни
Скука по смерти
Так, что, наверно,
Даже не страшным
Было б горенье
В пламени красном.
Что-то вроде России,
Что-то вроде печали...
Мы о большем просили.
А потом перестали.
Чем-то нежным и русским
Пахнет поле гречихи.
Утешением грустным
День становится тихий.
Пахнет чуть кисловато
Бузина у колодца...
Это было когда-то
И едва ли вернётся»⁵⁰.
(И. Чиннов)

Ни И.А. Бунину, ни И.В. Чиннову не пришлось «гореть в пламени красном». Однако первый в стихах и особенно в прозе («Тёмные аллеи»), второй в стихах «Линии» (1960), «Метафоры» (1968), «Монолог» (1950) создали душераздирающие произведения о ностальгии по России и по русскости. И успокоение нашли – Бунин на Сент Женеьев де Буа, а Чиннов на Ваганьковском кладбище, (хотя и закончил) земной путь во Флориде, в онкологической больнице.

«Так вот, товарищи, – прошло полвека.
Перековали значит человека?»

Затеяли, заворотили дело!
В копеечку, в копеечку влетело.
Свобода чтоб – и счастье без уродства...
Придётся подождать, уж как придётся.
Да, вкалывали так – порой хоть выжми!
И ждали, значит, лучшей, светлой жизни.
А миллионы ж в жертву не хотели –
Ну, тех – “в расход”, чего там в самом деле.
Наголодались мы, нахолодились,
Намучались, наждались, набоялись.
И в лагерях, на койках доходили –
Переплатили брат, переплатили.
И я, брат, – большевик: пора б дожидаться –
Товаров больше бы, и больше братства.
Ну, выпьем за живых. Мороз, простыл я.
Россия, да... Россия... Эх, Россия».

(И. Чиннов)

В дневниках и письмах выдающегося американского классика социологии Питирима Сорокина неоднократно упоминается, как всего за одну ночь в революционном Петрограде «в человеке просыпается не только зверь, но и дурак, готовый взять верх над всем и вся <...> Через месяц улицы были загажены бумагой, грязью, экскрементами и шелухой семечек подсолнечника <...> разбитые пулями окна многих домов заклеены бумагой <...> Солдаты и проститутки вызывающе занимаются непотребством <...> Бандиты всех сортов захватили частные дома и винные лавки, крушили магазины, трамваи, поджигали полицейские участки и правительственные здания. Коммунальные службы и пожарные расчёты не функционировали, пожары тушить было некому, никто не поддерживал городское хозяйство <...> Постепенно все худели и становились всё более и более истощёнными <...> проклятые хлебные очереди отнимали два или три часа нашего времени ежедневно»⁵¹.

Состоявшаяся 2 июня 2016 г. в Институте этнологии и антропологии РАН Международная конференция «Этносоциология вчера и сегодня» выявила нарастающий интерес к изучению (наряду с социально-экономическими, этнополитическими факторами) состояния ментальности граждан, динамики и изменчивости их душевной жизни. Этот интерес является ответом на вызовы глобализации, проявляющейся в знании и понимании, сакрализации и десакрализации основных норм и принципов народной этики как философии и регулятора самоуправляемой повседневной жизни⁵².

Первые лексико-семантические исследования нравственных оснований культурного наследия, в частности, гагаузов, как важнейших средств и мотивов в анализе самобытности народа, выявили необходимость смыслового разграниче-

ния между реальностью повседневности и конкретными формами проявлений обыденного сознания, повседневным опытом и философией здравого смысла⁵³.

Поскольку сегодня с особой остротой ощущается потребность выявления, как соотносятся категории этики и эстетики с их реальным исповеданием (соблюдением) в повседневной жизни, постольку представляется целесообразным дополнить этносоциологические исследования изучением этноэтических процессов в художественной литературе и живописи, в т.ч. акцентируя внимание на анализе условий, структур, функций, этической системы, а также их мотиваций и значений.

Передо мной не стоит задача представить фрагменты «расчеловечивания», начавшегося в начале 1990-х гг., в пору гайдаровских реформ. Поэтому позволю себе ограничиться характеристикой этого процесса в одном из поздних интервью выдающегося русского писателя Валентина Распутина. «Двадцать лет миновало с начала той «судьбоносной поры, – с горечью говорил знаменитый писатель, – когда наизнанку было вывернуто всё: и многовековые нравы и традиции, и способы жизни и хозяйничания, трудовые и воинские победы, тысячелетняя история... Всё охаивалось и отвергалось. Нажитое и выстроенное народом в тяжких трудах за многие десятилетия растащили за полгода. Это походило на то, как если бы свергался последний очаг обезьяньего периода, предшествовавшего человечеству, и наконец-то открывались сияющие перспективы.

Миллионы людей – бывшие инженеры, учителя, кандидаты наук, матери и отцы, потеряв работу, вынуждены были обзавестись профессией "челнока": за границей купить, дома продать и накормить детей. И это в целомудренном народе, не признававшем барышничества. Вырвались из коммунизма и ветхозаветных понятий – и уже через десять лет (да раньше, раньше!) тысячи и тысячи мамаш школьного возраста, начиная от 12–14 лет, принялись рожать и подбрасывать своих чад под чужие двери или выбрасывать на помойку»⁵⁴.

Выход из болота «расчеловечивания» на твёрдую почву «очеловечивания» Питириму Сорокину виделся «в углублении совершенствования образования, развития духовной и культурной жизни – в противостоянии зверю, обитающему в недрах человеческой души»⁵⁵.

По инициативе Валентина Распутина осенью 1994 г. в Иркутске впервые был проведён праздник русской духовности и культуры «Сияние России». В дальнейшем утверждалась традиция «приглашать на встречи с иркутянами известных в стране православных деятелей, философов, писателей, выдающихся артистов, даже целые коллективы – хоры и ансамбли. И отвести для встреч и концертов целую неделю. Выбрали начало октября, когда закончены работы на дачах, отпуска в театрах и филармонии, а трудовой люд вернулся в город после отдыха вблизи или вдалеке. Организация праздника требовала немалых средств, и администрация города находила их. А каких именно гостей нужно пригласить – это решал Распутин.

Образы ностальгии – ресурсы идентичности

«Ностальгия – это блюз от одиночества
Потерявшей во времени души.
Помоги его Печальному Высочеству
Не пропасть вовеки в ледяной тиши.
Взгляды, жесты, очертанья...
Ароматы, звуки, краски...
Словно кадры недоснятого кино.
Обещанья и молчанья,
Трепет самой первой ласки...
Всё осталось там, где нет меня давно».
Сергей Трофимов

Знакомство с классикой художественной литературы XIX века, например, с романом Н.С. Лескова «Очарованный странник» и другими его произведениями, а также с драматургией А.П. Чехова «Вишнёвый сад» и «Три сестры» и особенно с мемуарами А.Н. Бенуа «Мои воспоминания» приближает к пониманию важной роли ностальгии в качестве ресурса этничности, этнического и религиозного самосознания. Не менее сильное впечатление и эмоционально-ностальгическое воздействие производит творчество художников в лучших образцах её пейзажной живописи, таких как «У омута» (1892), «Тихая обитель» (1890), «Летний вечер» (1900) И.И. Левитана. Но об этом чуть ниже.

Ностальгия рассматривается как форма индивидуального сознания, отражающая характер и способы жизнедеятельности индивида, репрезентирует себя в те или иные фрагменты времени, соучастником тех или иных событий, встреч с теми или иными людьми в практике повседневной жизни. Важным элементом выступает соотнесение им наиндивидуальных норм и представлений прошлого и настоящего в процессе культурных практик. Этический пантеон имеет две формы своего проявления, основанных на движении «сверху вниз», от идей, норм и образов в науке, литературе, живописи, и движении «снизу вверх», исповедуемым в повседневной реальности, в т.ч. в привычках, вкусах, стереотипах, коммуникационных взаимодействиях.

Конструктивистская роль ностальгии способствует сохранению этических принципов, утверждению этнической идентичности человека, укрепляет связь с ранними этапами его жизни или его связи с «корнями», т.е. с далёкими предками и пращурами, сохраняет и гармонизирует позитивные этические принципы и моральные ценности прошлого и настоящего, обеспечивает преемственность традиций, «примиряет» в общественном сознании прошлое с настоящим, стабилизирует и оптимизирует отношения и коммуникации в микро- и макросоциуме, как, например, институт общественного мнения у гагаузов «Инсан маана булмасын» («Чтобы народ не осудил»).

Примечателен опыт биографии выдающегося американского социолога российского происхождения Питирима Александровича Сорокина. Его духовная привязанность к родному краю по мере его взросления обрастала новыми фактами, трогательными подробностями, свидетельствами мемуаристов. Его знаменитые ученики и коллеги по Гарварду, в частности, Р. Блейз, Ф. Хоманс, Ф. Тейлор, Р. Чайт, Т. Парсонс отмечали в некрологе: «Взгляды Сорокина на современное ему общество были по большей части негативными и пессимистическими, начиная с резкого неприятия коммунистического режима в его родной России, он распространял свою критику также и на западный мир. В противовес этому он выдвинул свой собственный, как он его назвал, "консервативный христианский анархизм", который, как он надеялся, откроет новую эру, воодушевлённую альтруистической любовью. Эти взгляды, безусловно отражали сильное влияние Толстого, а также его глубокую и неизменную любовь к России и ко всему русскому, которую он сохранил на всю жизнь»⁵⁶.

Оказавшись «на чужбине» и прожив 1920–1950-е гг. вдали от России, но беззаветно служа русской культуре, А.Н. Бенуа в своих воспоминаниях и в ряде писем красочно и пронзительно, но не без горечи охарактеризовал свою ностальгию по родному краю, «матушке России», и по своей нарастающей по мере взросления личностной русской этничности. «Дать бы мне возможность жить дома, в своей настоящей атмосфере, и я, разумеется, сейчас же отказался бы от всех здешних соблазнов и помчался бы назад в матушку Россию, которую, странное дело, я только недавно, на склоне жизни и после всех горьких испытаний последних лет действительно признал за матушку, за родимый и нежно любимый край. Как это могло случиться, не знаю, но факт налицо – я сейчас чувствую себя несравненно более русским (без привкуса национализма), нежели прежде»⁵⁷.

За несколько лет до смерти, в 1957 г., А.Н. Бенуа писал И.Э. Грабарю: «И как хотелось бы быть там, где у меня открылись глаза на красоту жизни и природу, где я впервые вкусил любви и т.д. Почему я не дома?! Всё вспоминаются какие-то кусочки самого скромного, но столь милого пейзажа»⁵⁸.

Эволюция душевного опыта и громадный художественный талант выдающегося русского художника (нерусского по происхождению: дед – француз, женат на немке, бабушка – итальянка из Венеции), историка искусства, художественного критика Александра Николаевича Бенуа даёт бесценный материал для понимания этничности (русскости) как единства истины и правды. Можно лишь сожалеть, что романтизм и «зовы прошлого», которые служили для А.Н. Бенуа «величайшими чарами», до сих пор не положены в основу парадигмы угасания (в одних случаях) этничности и её возрождения – в других. Более того, в наши дни, в ходе полемики о сути, истории и идентичности России и россиян⁵⁹, прин-

ципиальное значение имеет признание крупного художника о том, что «чувство патриотического долга перед русской культурой, ощущение своей глубокой причастности её художественному опыту» служило питательным бульоном реанимации ощущения русскости, в т.ч. «в своих мыслях, чувствах, поступках»⁶⁰.

Иногда ностальгия по молодости, как у Бенуа, одновременно означает реанимирование этнического самосознания. Сошлюсь на пример основоположника отечественной этносоциологии Ю.В. Арутюняна. Первые четверть века, в пору его работы в Институте истории АН СССР, где он создал ряд фундаментальных исторических трудов по истории советского крестьянства и отдельных групп сельского населения, он не был замечен в эксплицитном выражении интереса к своим этническим армянским корням. На завершающем этапе второй четверти века, уже в «ранге» признанного создателя и вдохновителя двух научных направлений – социологии села и этносоциологии, он активно (в академическом и в личностном плане) заинтересовался армянской историей, историей армян, армянами Москвы, Еревана и других регионов России, реализовав ряд оригинальных научно-исследовательских проектов об этничности армянской диаспоры в России и в ряде стран ближнего и дальнего зарубежья.

Могу вспомнить и личный опыт. В годы депортации в Сибири мне и в голову не приходили мысли о происхождении гагаузов, о моих предках и далёких пращурах. Однако уже на первом курсе, при подготовке доклада об участии гагаузского ополчения под руководством капитана Дмитрия Ватикоти, гагауза по этнической принадлежности, в русско-турецких войнах на рубеже XVIII и XIX вв. и курсовой работы, посвящённой культу волка у гагаузов, я почувствовал зов и воздействие магнита далёких предков.

Читая и перечитывая «Очарованного странника», симпатизируя вместе с В.В. Пименовым литературному герою – господину Флягину, я постепенно начал понимать бинарный подход Лескова в максимально полном, этнографическом изображении реальности и её осмыслением литературным героем в ходе его многочисленных приключений и странствий.

Чувство ностальгии лирично и одновременно деятельностно и самооправданно в своей привязанности к родному народу. Любовь к родине у Ивана Северьяновича с особой силой проявляется в период обострения его ностальгии, в его смертной тоске по родине, в период десятилетнего пребывания в татарских степях. Знакомство с иноэтничной культурой закрепляет в нём патриотизм и готовность «умереть за землю русскую». Она звучит как обет в его диалоге с его слушателями:

- «– А как же-с? Непременно-с, мне за народ очень помереть хочется.
- Как же вы: в клубке и в рясе пойдёте воевать?
- Нет-с, я тогда клубочок-с сниму, а амуничку надену»⁶¹.

Сделаем предварительно методологически важный вывод, чтобы подтвердить его ниже в ряде других примеров. Согласимся попутно с итогами исследований конструктивизма одного из ведущих отечественных философов И. Т. Касавина, посвятившим конструктивистскому подходу ряд трудов и, прежде всего, широко известную в философских кругах, но малоизвестную в этнологии монографию «Традиции и интерпретации» (СПб, 2000)⁶². «Познание, – как его сочувственно цитирует другой известный наш современник В.Ф. Петренко, основоположник психосемантического анализа этнических стереотипов, – не есть копирование некоторой внешней познавательной реальности, но внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания»⁶³.

На протяжении многих веков российская нация принимала в свой состав представителей ряда народов – немцев, итальянцев, французов, а также многих из числа соседних тюркских, финно-угорских, закавказских и северокавказских народов. Став русскими, но попав затем на чужбину, они особенно остро и нежно ощущали свою принадлежность «матушке-России», православной вере, природе родного края и великой русской культуре.

В роду Александра Николаевича Бенуа, как уже говорилось, были французы, немцы, итальянцы, мать Надежды Александровны Тэффи* была обрусевшей француженкой. Однако мало кто из элитной русской эмиграции первой волны эмиграции мог бы сравниться с ними в изображении гражданской и этнической идентичности, в принадлежности к России и сопричастности к русской культуре.

С первой страницы своих воспоминаний, дважды изданных в России в пяти томах, А.Н. Бенуа признаётся в том, что он «так и не дозрел, чтобы стать настоящим патриотом, я так и не узнал пламенной любви к чему-то огромно-необъятному, не понял, что его интересы – мои интересы, что моё сердце должно биться в унисон с сердцем этой неизмеримой громады». При этом предельно откровенный в своих чистосердечных признаниях А.Н. Бенуа ставит диагноз своей «гражданской болезни»: «в моей крови сразу несколько (столь между собой завраждовавших) родин – и Франция, и Неметчина, и Италия. Лишь обработка этой мешанины была произведена в России, причём надо ещё прибавить, что во мне нет ни капли крови русской»⁶⁴.

А.Н. Бенуа уже в детстве свободно говорил и писал на немецком, французском, английском, однако родным языком он считал русский⁶⁵, аргументируя тем самым «русскость» и свою русскую этническую идентичность.

«Прозрение» русскостью» А.Н. Бенуа ощутил в себе, совершив первое путешествие за границу. «...В нашем часто слепом увлечении "заграничным" было

* В первые десятилетия XX в. Н.А.Тэффи называли «Королевой юмора». Её авторитет как талантливой русской писательницы был весом и значителен.

много просто ребяческого и нелепого. Ещё больше глупости было в нашем игнорировании многого в русском быту, вовсе того не заслуживающего. Мы просто не умели осознать и оценить то, что составляло самые устои нашего же жизненного счастья. Лишь постепенно одностороннее отношение к своему стало меняться. Перевалив двадцатилетний возраст, мы даже пережили искреннее и прямо таки бурное увлечение русским. Мы прозрели, и это прозрение освежило нас, обогатило нашу душу»⁶⁶.

Многочисленные признания А. Бенуа на страницах пятитомного фолианта его воспоминаний в его принадлежности «по духу» и «по культуре» России. Многие из таких чистосердечных признаний стали излюбленными цитатами его издателей и комментаторов.

Задавая себе вопрос о степени правдивости в аполитичных и аэтнических пассажах А.Н. Бенуа, исследователи, в том числе известный советский и российский искусствовед, художественный критик, один из лучших знатоков истории изобразительного искусства нового времени Г.Ю. Стернин, отвечают словами самого Бенуа: «Понадобился затем опыт многих лет, опыт, повторявшийся несколько раз, чтобы и я и она (Анна Карловна Бенуа – жена художника – Г.С.) поняли, до чего сердечно и душевно мы связаны с Родиной и до чего трудно, а то и просто невозможно нам, русским, вполне приобщиться к жизни на чужбине»⁶⁷.

Одна из влиятельных фигур среди зарубежных деятелей русской культуры Н.А. Тэффи исследовала судьбу целого поколения эмигрантов, покинувших Россию во время революции и гражданской войны. Эти люди, тоскуя по родине, были обречены, по её словам, на трагическое совместное одиночество в чужих странах. Ей принадлежит целая серия чувствительных рассказов о ностальгии эмигрантов и о тоске об увядающей русской идентичности. Её крылатая фраза «душа, обращённая на восток», могла бы служить образом, фактом и брендом этнической русскости в Париже за весь межвоенный период.

Вот, к примеру, начало её рассказа «Ностальгия» в 3-м томе её, недавно изданного в России, пятитомного собрания сочинений:

«Вчера друг мой был какой-то тихий, все думал о чем-то, а потом усмехнулся и сказал:
– Боюсь, что к довершению всего у меня еще начнётся ностальгия.
Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о большом горе. Это значит, что они плачут.
Не надо бояться. То, чего вы боитесь, уже пришло.
Я видела признаки этой болезни и вижу их все чаще и чаще.
Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут.
Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа – душа, обращённая на восток»⁶⁸.

В произведениях Н.А. Тэффи воссоздана горестная жизнь эмигрантов соотечественников, лишённых родины. Тоска по оставленной России заставляет их называть своё существование «загробной жизнью», «жизнью над бездной». Мно-

гие авторы, находясь в вынужденной эмиграции, считают неблагодарным осуждать родину, изгнавшую их: он уверен, что Отчизну как и мать, не выбирают.

Едва ли не самой притягательной силой для учёных, поэтов, писателей, политических и общественных деятелей белой эмиграции служила русская культура, живопись, поэзия, философия. Несколько приведённых выше примеров о ностальгии, хорошо известной читающей публике, дают возможность увидеть одну из важнейших черт культурной динамики. Межвоенный и послевоенный периоды дают большой материал о появлении новых «углов зрения», «новых ракурсов», позволяющих по-новому, и каждому автору по-своему, взглянуть на старое, раскрыть в истине свою правду. И чем выше и значительнее вызовы современности, тем больше возможностей обнаруживать и осознавать не замеченные ранее ценности и смыслы. При этом агрессивное наступление глобализации, снижение «уровня» и «градуса» культуры объединяет обе культурные тенденции – и саморазвитие каждой национальной культуры и ослабевающие процессы взаимодействия между ними.

«На окраине города, ночью, в Европе...
Одиссей из России, – вернись к Пенелопе!

<...>

Тянет сыростью, вечностью, ночью, забвением
С неподвижных полей, Друг мой, чем мы заменим
На короткое время те русские церкви
Точно тонкие свечи под ветром померкли,
Потемневший Детинец над тёмной рекою
Углич в синем лесу, отошедший к покою,
Крестный ход, огоньки у Бориса и Глеба,
Тёмный запах овчины, и дыма, и хлеба?»⁶⁹

(Игорь Чиннов)

Ностальгия

«Не обижай родных и близких,
Врагам своим добром воздай,
Не возвышайся среди низких,
Люби друзей, врагов и знай, –
Что зло твоё к тебе вернётся,
Народной мудрости внимай:
"Не плюй в колодец, пить ведь пригодится".
Об этом чаще вспоминай».

Генрих Акулов

Менее всего этнологи, этносоциологи и тем более этнополитологи, обращали внимание на изображение этничности, этнической и ряда других идентичностей в камне и бронзе, в граните и в экзотическом кебрачо.

Ностальгические воспоминания, с особой силой, болезненно волновавшие С. Эрзю в годы длительной эмиграции, вдохновили его на целую серию работ, посвящённых землякам и этничности родного народа. Ещё будучи молодым человеком, и, испытывая унижения от некоторых ровесников, он подписал свои первые произведения псевдонимом «С. Эрзья» вместо своей фамилии «Нефёдов». И судьба подарила ему возможность прославить свой народ новаторским творчеством, заслужившим мировое признание. Этнокультурные черты родного народа художник выразил в серии женских и мужских скульптур, ставших достоянием вечности.

Как патриот своего народа и одновременно взволнованный выразитель его культуры, истории и идентичности, Степан Эрзья с любовью ваял своих соотечественников, обнаруживая и манифестируя художественными средствами их этническую принадлежность. На встречающиеся в искусствоведческом дискурсе ошибки и неточности недавно указала профессор И.В. Ключева в резких, но метких литературных рефлексиях по поводу образов представителей мордовского народа в «этнической» проблематике в творчестве С. Эрзьи⁷⁰.

Тем не менее, по её авторитетному мнению самая большая часть «мордовской» и «эрзянской» серии произведений С. Эрзьи представлена в его автопортретах, в которых отражаются этапы этнической самоидентификации и самоутверждения художника⁷¹.

Одним из наиболее сильных ощущений, испытываемых зрителем от знакомства с автопортретами, – это переживания скульптора, вынужденно оторванного от родной земли и родного народа.

Если образы женщины в творчестве С. Эрзьи выражены как образцы и модели красоты, нежности и обаяния, галерея мужских портретов – «Тоска» (1908), «Мужество» (1932), «Пламенный» (1934), «Отважный» (1936) воспринимаются

зрителями как воплощение мужества и отваги, силы духа и непреклонной целеустремлённости.

В автопортрете «Тоска» передана не только тоска по Родине и родному народу, но и переживания человека, одарённого сильным темпераментом, готового к осмыслению своего назначения, вопреки беспощадному трагизму мировосприятия. Энергетический потенциал творчества художника выразительно отображён в скульптуре «Пламенный». Грозное, целеустремлённое, суровое лицо мужчины с твёрдым подбородком в работе «Отважный» подкреплено мощным вертикальным древесным объёмом, что отражает «концепт» отважности не менее выразительно, чем грозное лицо мужчины и его готовность к подвигу.

В двух произведениях С. Эрзи («Сеятель» и «Косец») дана оригинальная трактовка маскулинности и этнического колорита, навеянных детскими воспоминаниями художника о буднях в родной деревне. Если кому приходилось в молодости косить траву, заготавливать сено для домашней живности, кто не помнит поистительную сладость после изнурительной усталости?

Демоническая красота и своеобразие этнических проявлений выражена, в частности, в произведениях «Портрет аргентинской женщины» (1935), «Испанка» (1942), «Парагвайка» (1941), «Портрет француженки» (1938).

Чувство патриотизма как привязанность к своей малой и большой Родине с особой силой проявляется в сочетании с чувством ностальгии и тоской по родным местам, когда художник волею судьбы оказывается отлучённым от Родины, от Отечества, от этнического материка.

Многие произведения Степана Эрзи, жившего долгие годы в разных странах, в т.ч. в Аргентине, пронизывает глубокое чувство ностальгии, ассоциированное с патриотизмом и любовью к родному краю, к своим этническим корням. Вернувшись на Родину в 1950 г., он привёз из Аргентины более 200 произведений и передал их своему народу. Неслучайно, что самая крупная коллекция его произведений хранится сегодня в Саранске в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств.

Мостики, омут и бамбук, согнутый под напором ветра...

«... истинная национальность состоит
не в описании сарафана, но в самом духе народа.

Поэт даже может быть и тогда национален,
когда описывает совершенно сторонний мир,
но глядит на него глазами своей национальной стихии,
глазами всего народа, когда говорит и чувствует так,
что соотечественникам его кажется,
будто это чувствуют и говорят они сами».

Н.В. Гоголь

«Душа становится далёким русским полем,
В калужский ветер превращается,
Бежит по лужам в тульском тусклом поле,
Ледком на Ладоге ломается.

Душа становится рязанской вьюгой колкой,
Смоленской галкой в холоде полей,
И вологодской иволгой, и Волгой...
Соломенной с коломенских полей».

Игорь Чиннов

В октябре 2008 г. Русская галерея искусств открыла в ЦДХ предаукционную выставку коллекционной живописи «Ностальгия по СССР», экспонаты которой давали представление о значительном внимании и возрастающем интересе постсоветских людей к артефактам и атрибутам советскости и советского образа жизни живописцев «Ностальгии». На ней, в частности, были представлены картины выдающихся советских художников, удостоенных многих наград и званий, в т.ч. братьев А.П. и С.П. Ткачёвых («У колодца», 1960), С.А. Чуйкова («Скачки», 1970), В.И. Григорьева («Городской пейзаж», 1956), А.А. Рылова «У моря», 1920), Н.Н. Баскакова («Ручная карусель», 1971).

Ностальгические настроения граждан России были отражены на экспонированных аукционных лотах, представляющих творчество 70 народных художников СССР и 20 народных художников РСФСР.

Обращение к живописному образу или к литературным героям представляет собой диалог, условно говоря, между прошлым и настоящим, между создателем произведения и зрителем или читателем. В идеале речь идёт о двух сюжетах этого диалога, с одной стороны, зритель отталкивается от образа, двигается к раскодированию замысла художника, а с другой – соотносит разгаданный (или неразгаданный) замысел со своим мировоззрением.

В тех случаях, когда живописное произведение основано на литературной теме, от зрителя, понятное дело, требуется быть «образованным», т.е. знать литературный дискурс.

В бесконечной череде литературных образов, героев и ситуаций, в которых проявляется ностальгия по прошлому своего народа и одновременно освещается этническая реальность (объектная, событийная, личностная...), обогащается, осмысливается многомерным сознанием познающего субъекта, находит не менее яркое выражение в живописи⁷².

В молодой по историческим меркам школе гагаузской живописи наиболее продвинутой является пейзажная традиция. Центральное место в ней занимают изображения времени (зима, весна, утро, вечер, ночь, лето, осень) и пространства, окраина города, часть села, улица, махолья, красавица акация, пастух, мудрый дед, заботливая бабуля, базар, хору, мельница, колодец с журавлём и многое, многое другое. Более всего художников занимают реалии повседневной жизни и краски родной земли, связанные с родным домом, старые забытые колодцы, мосты и мостики через высохший ручей или едва заметную речку, родники, окраины родного села (Арабаджи Михаил, Беженарь Парасковья, Дечев Георгий, Иварлак Андрей, Н. Пейчева).

И хотя романтизм гагаузских художников на рубеже веков несколько ослаблен рыночной экономикой, тем не менее вместе с другими представителями творческой интеллигенции – поэтами, писателями, драматургами, композиторами они стремятся «наводить мосты» между прошлым и настоящим. Так, например, мост в концепции известного писателя и поэта Николая Бабоглу играет роль медиатора между нынешними и прошлыми поколениями.

«По голубым волнам Дуная
Я мост в историю воздвиг.
И этот мост одолевая,
Я в древность мысленно проник⁷³.
(пер. с гагаузского: М. Губогло)

Особое тяготение художники Гагаузии как наследники кочевой культуры, растворяющейся в горниле истории, испытывают к артефактам своих дальних предков. Об этом свидетельствуют не только ухоженные родники и добротные колодцы на пересечении дорог, но и каменные изваяния половецких времён, кошары и загоны для скота, пастушеские заслоны от ветра и дождя. Особым признанием общественности пользуются исторические экскурсии на полотнах Дмитрия Савастина и Петра Фазлы. Философское обращение к ментальности родного народа, наиболее ярко отражённое в творчестве Дмитрия Айоглу, служат субъективной равнодействующей объективных устремлений современных живописцев Гагаузии, их стремление отражать ностальгию, как важный ресурс этнического самосознания. Неслучайно Дмитрий Айоглу стал автором проекта величественного памятника, посвящённого Родине-Матери. Преодолевая устаревшую «копирующую теорию истины» и пропуская через свою душу «правду» многовековой истории родного народа, и своё понимание «правды» художник изобразил на четырёх сторонах по-

стамента соответственно фрагменты четырёх этапов этнической истории гагаузов, усилив постамент колонной, на вершине которой женщина с православным крестом и мобилизирующим (как у Делакруа) флагом свободы.

Симбиоз истины и правды, т.е. реальности и смысловых представлений художника об этой реальности, представляет собой оригинальное решение тождества истории и идентичности, что является важным научным и художественным вкладом в раскрытие многомерного сознания родного народа, закрепляющего в повседневной деятельности практические усилия по конструированию идентичности.

Удачно найденное в проекте памятника гармоничное сочетание постамента и колонны, креста и знамени, газонов и тумб, культа волка и скромного обаяния каменных изваяний, тёмно-красного гранита и золотой Матери-Родины позволяют зрителям вместе с автором памятника сопереживать, сочувствовать, ощущать гордость за свой народ и ностальгировать по поводу его длительной истории.

Пейзажная живопись, как и исторические видения прошлого у гагаузских художников, – грандиозный памятник народа самому себе, провоцируют, в соответствии с вызовами времени, серьёзное постижение истории путём переосмысления базовых философских и нравственных категорий добра и зла, времени и пространства, бытия и знания, причинности и осмысленности, истины и жизни, смерти и судьбы.

Не трудно предположить, что памятник, являющийся ответом на вызовы времени, в т.ч. выступает продолжением энергии, выявленной февральским референдумом 2014 г. Он вполне может стать и местом паломничества туристов, правительственных возложений праздничных и юбилейных венков, непременным элементом в драматургии свадебных кортежей и торжеств, одухотворяющей сакрализацией Матери-Родины и своего жизненного пространства.

Пейзаж в молодой гагаузской живописи несёт в себе мощный заряд ностальгии по прошлому. Между тем, зов прошлого неоднократно проявляет себя не только в профессиональной культуре гагаузов, но и в культурах многих народов евразийского пространства. Сошлюсь на опыт стихотворчества не самого высокого класса с точки зрения художественной ценности, но создающего неотразимое впечатление об единстве пейзажного и поэтического изображения ностальгии.

«Мне нужно вернуться
За скрипом колодца
За криком детей у реки,
За плёсом в тумане,
За плеском у сходней
За лесом у светлой реки,
За иволгой ранней,
За ивой прохладной,
За тихим дыханьем реки».
(Игорь Чиннов)

На протяжении XIX и XX веков живопись, как и классическая литература, играла конструктивную роль в жизни россиян. выступая не менее важным фактором идентификации этнической и гражданской идентичности. Многие её произведения становились широко известными со школьной скамьи и даже предметом юмористических зарисовок: «Если видишь на картине темень вод, девятый вал, то понятно, что картину Айвазовский рисовал»; или: «Если на картине видишь ночь, зелёную луну, значит видишь ты Куинджи: хатку, небо, тишину». Шедевры пейзажной живописи И.И. Левитана и И.И. Шишкина становились достоянием ума и души едва ли не с первого взгляда. «Если видишь на картине лес, медведей или рожь, иль пейзаж красивый русский, что на чудо так похож, иль стоят на той картине ели, сосны у воды, знай, товарищ: непременно это – Шишкина труды».

Несколько десятилетий доброжелательно и продуктивно развиваются межэтнические отношения на древней Буджакской и Бессарабской земле. Восточные мотивы имеют давнюю традицию в кочевой традиции гагаузского народа. Мудрость пантеона культов и нравственно-этической системы во всех сферах и формах проявления, гармония человека и природы в повседневной жизни, религиозная составляющая в этнической идентичности, афоризмы восточной поэзии вызывают неизменный интерес к древним пращурам и кочевому прошлому в традиционной культуре гагаузского народа. К этому следует добавить яркую декоративную экзотику прикладного искусства, например, ковроткачество и специфику гостеприимства и кулинарных обычаев, народной кухни, спортивные единоборства и захватывающие дух конные соревнования, практики внутреннего убранства и страсть к цветам.

На одном из зданий Европарламента в Брюсселе на стене выгравировано высказывание прославленного американского скрипача и дирижёра (с российскими корнями) Иегуди Манухина (1916–1999 гг.): «Либо Европа будет Европой культур, либо Европы не будет». События 2015–2016 гг. и атаки террористов на ряд европейских столиц свидетельствуют о справедливости пророчества И. Менухина, отец которого раввин Мойша Менухин (Мнухин) был родом из Гомеля, а мать – уроженка Ялты.

Начавшийся ещё в древности этнический процесс, как часть исторического движения, несёт в себе постоянный процесс взаимообогащения примордиального наследия и конструктивистских инноваций. Это значит, что оба подхода как синтез истины и правды являются потенциально ценными для человечества, которое развивается, и, по-видимому, будет развиваться, не отрицая ценностей каждого из этих движений, чередуя их в матрице (векторе, ориентирах) целей.

От этносоциологических симпозиумов, как и от издаваемой серии «Курсом развивающейся Молдовы», ждут не формального отчёта и дежурных публикаций, а ярких, перспективных идей, которые помогут в продвижении евразийского со-

общества к более гармоничному развитию. Немалую роль в этом могут сыграть многоуровневые формы международного сотрудничества, объединение усилий в освоении и усвоении диалога культур в процессах динамично меняющейся реальности и ментальности, в надёжном осознании где добро и где зло, что хорошо и что плохо.

«Порой запрет, сожмётся сердце,
И мысли – те же всё и те:
О чёрной яме, «мирной смерти»,
О темноте и немоте.
И странно: смутный, тайный признак –
Какой-то луч, какой-то звук –
Нездешней, невозможной жизни
Почти улавливаешь вдруг...»
(Игорь Чиннов)

Реальность истинная, воображаемая, переживаемая, «правдивая»

В придании ностальгических настроений, впечатлений и смыслов своим произведениям гагаузские художники многое заимствовали из русской классической пейзажной живописи и прежде всего из шедевров И.И. Левитана: «Тихая обитель» (1890), «У омута» (1892), «Летний вечер» (1900), «Вечерний звон» (1892).

Напомню вкратце содержание известных со школьной скамьи картин, глубинный смысл, «правда» которых, для каждого своя, однако, осознаётся едва ли не после студенческих времён. Даже не будучи обременённым высшим искусствоведческим образованием, мало кто остаётся равнодушным, подолгу задерживаясь перед «Тихой обителью» (1890) и вникая в её потаённые смыслы. Несмотря на реалистично изображённый мостик, соединяющий берега реки, как циклы жизни зрителя, обитель, купола которой озарены вечерними лучами, усиливающими ностальгию по молодости как заре жизни, душа человека обретает душевное спокойствие и гармонию с самим собой. Умиротворение, охватывающее человека является ответом на вызовы ностальгии.

Типологически сходная с «Тихой обителью» и провоцирующая у зрителя глубинные ностальгические чувства любви к своей земле, природе и этапам собственной жизни, – картина «У омута» (1892). Она добавляет к радостным ностальгическим воспоминаниям тревожное предчувствие о второй половине жизни, связанной со старостью. В соответствии с замыслом И.И. Левитана, тяжёлые тучи, восходящие на пасмурное небо, закатное солнце, сумерки, окутавшие раскидистый лесной массив, вселяют грусть и тревожное ожидание. Бинарную оппозицию молодости и старости символизирует мост, освещённый последними лучами солнца. По обе стороны от деревянного брода, как бы разделяя молодость от старости, вода «ведёт себя» по-разному: слева беспокойная поверхность воды испещрена мелкой зыбью и неровностями, выражает тревогу и беспокойство, справа ровная и гладкая безмятежная поверхность воды создаёт впечатление благодати, умиротворения и плодородия. Иными словами, тонкий мостик соединяет ранний и поздний этапы в жизни человека, усиливая ностальгию по спокойной и солнечной молодости в отличие от тревожной и непредсказуемой старости.

Произведения живописи, как правило, имеют литературную основу. В наглядной форме в картине «У омута» христианская тема присутствует в том, что для раскрытия темы судьбы человека, смены этапов его жизни И.И. Левитан использует изображение мостика из трёх брёвен, провоцирующее у зрителя христианский символизм. Тем самым художник силой воображения вызывает у зрителя ощущение предопределённости судьбы.

Конструирование светлой ностальгии о беззаботной молодости и мрачных предчувствий о непредсказуемой жизни в старости, корреспондирует с внутрен-

ним миром и художника, и зрителя. Вместе с ещё двумя другими шедеврами И.И. Левитан напоминает о противостоянии добра и зла, светлых и тёмных сил, создающих напряжение: на земле – «Владимирка» (1892), увековечившая память о каторжанах, любовь автора к Родине, искреннее сострадание чужому горю, к матерям, сёстрам и жёнам каторжан; в небе – «Над вечным покоем» (1894), навевающая зрителю острое чувство одиночества и незащитности, извечный вопрос о том, что находится там, за порогом вечности; и на воде – «У омута».

В осознании своей этнической, как, впрочем, и всякой другой идентичности, человек рефлексирует не в меньшей мере, чем поэт и писатель, создающий образы литературных героев, или живописец, материально оперирующий пейзажем или иными явлениями природы. В отличие от художника,двигающегося от реальности к собственному замыслу и далее к созданию материализованной картины или образа, человек, с этническим самосознанием отталкиваясь от усвоенного им культурного наследия, поднимается до высот конструированного ощущения единства с родной природой, со своим народом и обобщённого восприятия групповой идентичности народа.

Литературный текст, положенный в основу произведения живописи, катализирует воображение зрителя и как бы дополняет, «доправляет» реальность. Однако немало примеров, когда талантливо написанная картина служит творческим импульсом для создания литературного текста. Юный А.А. Блок, влюблённый в картину Васнецова «Гамаюн», написал пророческое стихотворение:

«На глазах бесконечных вод,
Закатом в пурпур обречённых,
Она вещает и поёт,
Не в силах крыл поднять смятённых...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!...»⁷⁴
(А.А. Блок)

Портрет рано умершей Марии Лопухиной (1779–1803) искусствоведы считают едва ли не самым поэтичным созданием из всех портретов В.Л. Боровиковского (1757–1825). Русский поэт Яков Полонский (1819–1898), автор слов популярного стихотворения «Мой костёр в тумане светит», ставшего народной песней, написал редкостный по поэтической насыщенности литературный портрет М. Лопухиной. Вполне естественно, что и у зрителя, и у читателя возникает образ юной девушки с

напряжённой гаммой чувств. От портрета и стихотворения исходит ощущение красоты, как единства человека и природы, лаконичность и простота, удивительная гармоничность прекрасного лица, томности взгляда и мечтательности улыбки.

«Она давно прошла, и нет уже тех глаз
И той улыбки нет, что молча выражала
Страданье – тень любви, и
Мысли – тень печали.
Но красоту её Боровиковский спас.
Так часть души её от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать»⁷⁵.

(Я.П. Полонский)

Примордиализм и конструктивизм, подобно истине и правде, подобно живописи и поэзии – близнецы-братья. Яркие и содержательные живописные полотна, как и хорошие стихи, западают в душу зрителей и читателей. Портрет известной красавицы Александры Петровны Струйской работы художника Ф. Рокотова (1735–1808) вдохновил Николая Заболоцкого на прекрасные стихи:

«Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Её глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Её глаза – как два обмана
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук»⁷⁶.

(Н.А. Заболоцкий)

Произведения импрессионистов вдохновляли многих европейских поэтов и писателей, в т.ч. российских. Так, например, о картинах Клода Моне (1840–1926) «Отдых под сиренью» (1873) и «Сирень на солнце» (1873) Осип Мандельштам писал: «глубокий обморок сирени и красок звучные ступени», «А тень то, тень всё лиловой свисток иль хлыст как спичка тухнет».

«... Угадывается качель,
Недомалёваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель»⁷⁷.

(О. Мандельштам)

Согласно китайской традиции, живопись и поэзия... это – «не картины изображения... а картины размышления». Философию этой концепции Ли Бо (701–762) выразил краткой метафорой в стихотворении «Храм на вершине горы»:

«На горной вершине ночью в покинутом Храме.
К мерцающим звёздам могу прикоснуться рукой,
Боюсь разговаривать громко земными словами,
Я жителей неба не смею тревожить покой»⁷⁸.

(Ли Бо)

Выразителями русскости, т.е. «этничности как одной из форм коллективной идентичности» (В.А. Тишков), во второй половине XX в. были не этнографы, а российские писатели. Сегодня их – представителей т.н. «деревенской», «сельской» литературы, считают писателями нравственности («нравственниками») по тому, как они выражают правду русской души и русской судьбы. В поисках истины и русскости, мы можем сказать, что они «улавливали» ту философскую простоту жизнеописания, которая исходит из глубинных традиционных ценностей русского народа. Самые маститые и признанные читателями были Ф.А. Абрамов, В.П. Астафьев, В.И. Белов, С.П. Залыгин, В.Н. Куприн, Б.А. Можаяев, В.Г. Распутин, В.А. Солоухин, Г.Н. Троепольский, В.М. Шукшин*.

Этическая система русской народной культуры и её миротворческий потенциал в творчестве писателей деревенщиков-нравственников реализовывался в ментифактах и артефактах сельской повседневности, в их естественной наглядной предметности или, как сказал бы философ, «в опредмеченных результатах человеческой жизнедеятельности» (Э.С. Маркарян).

Общепризнанным лидером этой «нравственной» литературы, безусловно, был Валентин Григорьевич Распутин. Острее своих писателей-современников он ощущал не только унижение и страдание русского человека, посвящая этому феномену всё своё творчество, но и экстраполировал боль за этничность на хрупкость российской природы. Он был в равной мере этничный и природный (экологический) человек. Понимая этот свой небесный дар, он с невероятной самоотверженностью вёл борьбу за сохранение самобытности и жизнестойкости народной культуры в той же мере, как и борьбу за спасение Байкала и Ангары. Вместе с коллегами деревенщиками-нравственниками он понимал, что «деградация крестьян страшнее деградации почвы» (Борис Ефимов). Я был свидетелем того, как в кино-

* Одним из первых о значимости этических и религиозно-христианских ценностей заговорил А.И. Солженицын в рассказе «Матрёнин двор» (1963). В последующие десятилетия были созданы произведения о деревенской жизни в Архангельской области (Ф. Абрамов), о положительных сторонах и особенностях крестьянского образа жизни в Вологодской области (В. Белов), о трагедии уничтожения традиционной народной культуры в Сибири (С. Залыгин), о чудаковатых, но жизнестойких деревенских «героях» Алтая (В. Шукшин), об опасности экологической катастрофы (В. Астафьев). Читатели до дыр зачитывали произведения Владимира Солоухина, вставшего на защиту деревенских традиций и культурных ценностей: церковей, монастырей, икон, родовых имений.

театре зрители, особенно женщины, плакали едва ли ни с первых до последних кадров фильма, снятого по повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой»^{*}.

Для меня главной радостью и одновременно печалью при знакомстве с повестью «Прощание с Матёрой» была ностальгия по молодости, по неизбывной тоске о местах и людях, где протекали годы детской и отроческой социализации, постижения глубины и изысканности русского языка.

Поэтому сегодня не удивляюсь выводам тех литературных критиков, которые с упоением свидетельствуют о том, что в Валентине Распутине в полной мере явился в художественную культуру народов евразийского пространства ещё один писатель первого ранга. Притягательность его творчества в том, что он говорит и пишет на языке русской этничности, на том самом языке, на котором говорит с нами русская классика, детьми которой являются многие поколения современных россиян. Вместе с В. Распутиным патриархами «деревенской прозы» считаются Ф.А. Абрамов, В.И. Белов, В.М. Шукшин.

Этический и эстетический «авитаминоз» грозит эскалацией межэтнической вражды в тех случаях, когда увлечение иноэтнической культурой и «чужими ценностями» грозит самобытности родной культуры. Современное антропологическое понимание культуры состоит в том, что она создавалась поколениями пращуров и предков для защиты человека от чувства беспомощности в системе окружающего мироздания. Миротворческий потенциал народной культуры видится как в оборонительных иллюзиях, так и в воодушевляющих грёзах. По мере наступления тотального атеизма и ослабления защиты религиозной в советском обществе далеко неслучайно набирала мощную силу защита этническая, как ощущение принадлежности к тому или иному народу и его культуре.

Иными словами, недолгое по историческим меркам обращение к «общечеловеческим ценностям», как тоска по чуждой культуре, было продуктивным лишь в той мере, в какой укрепляла нашу защиту, и контр-продуктивна, когда разрушала миротворческий потенциал культурного наследия родного народа.

Большинство писателей-деревенщиков особую присягу приносили земле, селу, в котором прошли детство и отрочество, ценностям народной культуры, этничности-русскости, не увлекались академической терминологией, а порой даже не отличали этническое от национального.

В «Интервью у самого себя» Сергей Залыгин писал о своей русскости: «Я чувствую корни своей нации именно там – в деревне, в пашне, в хлебе самом насущном. Видимо наше поколение – последнее, которое своими глазами видело тот тысячелетний уклад, из которого мы вышли без малого все и каждый»⁷⁹.

^{*} Двухсерийный художественный фильм (1981) по мотивам повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой» после трагической гибели Ларисы Шепитько под названием «Прощание» был снят её мужем кинорежиссёром Элемом Климовым.

**«Поцелуй Иуды» и «Тайная вечеря» –
символизация столкновения добра и зла, добродетельства
и предательства**

«Ненависть не может исчезнуть,
пока отсутствует равенство и справедливость.
Так же точно можно утверждать:
нет и не может быть правды,
пока люди вынуждены лгать,
чтобы оправдать нарушение принципов
социальной справедливости».
Эрих Фромм

Как уже говорилось, литературная тема, положенная в основу живописного произведения, служит импульсом и питательной средой для воображения и конструирования образов не только пейзажных, но и других сюжетных ситуаций. В новейшей литературе по психосемантике, новому научному направлению, родившемуся на стыке психологии и лингвистики, философии и искусствоведения, охотно прибегают в качестве иллюстрации для перехода от натуралистической копии жизненной ситуации к художественному восприятию образа, наделённому обобщающей силой. В литературе по психосемантике и многомерному сознанию, в частности, приводится пример – картина «Тайная вечеря» (1495–1498) Леонардо да Винчи, который можно было бы дополнить и картиной Джотто «Поцелуй Иуды» (1303–1306).

Для понимания современного конструирования как рефлексии самосознания, дополняющего новым смыслом примордиальную истину, немаловажное значение имеет найденное гениальным флорентийцем ещё на заре XIV века способ изображения в безмолвном диалоге Христа и Иуды целого моря человеческих чувств – смещение акцента от доверия к недоверию, смену неверия прозрением и далее спокойным осознанием своей правоты. Замечу попутно, что ярко-жёлтый плащ Иуды, затмевающей все остальные краски на полотне, становится со временем символом измены и предательства*.

Внутренний мир центральных персонажей представлен безупречной античной красотой Спасителя и уродливым, отталкивающим лицом «питекантропа» – предателя. Если бы зрителю не был известен литературный контекст изображённого поцелуя, то вряд ли он преисполнился бы глубоким внутренним напряжением. Подобно тому, как на знаменитом полотне Сурикова «Утро стрелецкой казни» диагонально встречаются огненно непримиримые взгляды стрельца, приговорён-

* Не с тех ли средневековых времён жёлтые цветы, подаренные ровеснику или ровеснице, однокласснику или однокласснице в сибирской деревне в далёкие 1950-е гг. означали прекращение «дружбы» или «измену»⁸⁰.

ного к казни, и Петра, победно, горделиво восседающего на коне, точно так же у Джотто противопоставлены друг другу нож апостола Павла и указующий перст первосвященника с точкой пересечения на фигуре Христа*.

Полное название одной из самых выразительных и пронзительных фресок родоначальника европейской живописи Джотто ди Бондоне – «Взятие Христа под стражу или Поцелуй Иуды». Картина может служить одним из первых примеров конструирования напряжённости между добром и злом, столкновения истины и предательства, величия души и подлости, благородства и низости. В широкоформатной панораме в центре события фигуры Христа и Иуды на фоне тёмно-синего ночного неба, полыхающих факельных огней, мелькающих копий и дубинок. Толпа находится в состоянии экстаза и напряжения, как будто все охвачены паникой, борьба двух противоположностей – нравственности и безнравственности.

Литературная тема живописного произведения вносит дополнительные краски и смыслы в изображённую на нём реальность. Объяснение этой мысли находим у знаменитого польского философа и искусствоведа Романа Ингардена. Вдумаемся в его рассуждения: «Если, например, – пишет он в нашумевшей книге «Исследования по эстетике», – мы оставим в стороне всю легенду об Иисусе в том смысле, что выключим её, рассматривая картину, из своего сознания, то картина Леонардо наверняка будет представлять для нас нечто совершенно иное, чем она "должна" представлять применительно к своему названию. Мы бы видели тогда не Иисуса и его учеников, собравшихся на последнюю трапезу, и не понимали бы вкушение хлеба и вина в духе христианского учения, а видели бы перед собой всего лишь какое-то собрание мужчин разного возраста за общим столом, причём различные жесты и выражения лиц мы понимали бы с трудом или вообще не понимали. Но и тогда в рассматриваемой нами картине содержалась бы определённая литературная тема, хотя и совершенно иная, чем та, которая выражена в ней для нас, если мы знаем историю Иисуса и, благодаря названию картины, внимание наше заранее привлечено к определённому моменту этой истории»⁸¹.

В российском литературном наследии, ставшем культурным достоянием граждан России независимо от их этнической и региональной принадлежности, от эмоциональных чувств и вкусов, от степени профессиональной погружённости в смыслы и тексты произведений, особое место занимает многослойный и многоас-

* «И, когда ещё говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и копьями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас, подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. <...> Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлёк меч свой и, ударив раба первосвященника, отсёк ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут»⁸².

пектный роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» (1966–1967). Множество сюжетных линий романа предполагают и множество живописных полотен, с которыми текст может ассоциироваться. Шок, вызванный его первой публикацией в Советском Союзе чем-то напоминает потрясение, вызванное картинами Н.Н. Ге «Совесь (Иуда)» (1891) и «Что есть истина (Христос и Пилат)» (1890). Главная идея романа – борьба добра и зла, порядочности и предательства – пронизывает почти все его сюжетные линии – сатирические и фантастические, философские и этические, любовные и евангельские.

С произведениями изобразительного искусства и прежде всего с двумя знаменитыми полотнами Николая Николаевича Ге больше всего ассоциаций возникает с теми главами романа М.А. Булгакова, где речь идёт об Иешуа Га-Ноцри и Понтии Пилате. И хотя литературные критики оспаривают тождество Иисуса Христа и Иешуа Га-Ноцри, самому автору романа необходимо было раскрыть понятие добра и зла, справедливости и предательства рассказом о том, что два тысячелетия тому назад Иисус Христос приходил на землю, принял мученическую смерть, затем воскрес, открыв тем самым страницы Нового Завета.

Среди многотемья романа и изобразительных средств в полотнах Н.Н. Ге одно из центральных мест занимает проблема совести в контексте борьбы добра и зла, мужества и трусости, сострадания и бесчеловечности.

Читатели, привыкшие к мысли о том, что Сатана есть зло, в известной степени удивлены тем, что сам Воланд зло не творит, а лишь осуждает людей и вздыхает: «Люди, как люди... Такие же как раньше». Понтий Пилат в душе противится казни Иешуа, и даже в какой-то мере проникается к нему симпатией, но не в силах преодолеть свою трусость. Приговор бродячему невинному философу выносит не он, но вечно отбывать наказание суждено Пилату, точно так же, как и Иуде, изображённому трагической тёмной фигурой, устремлённой в темноту, где нет света в конце тоннеля, как это изображено на бессмертной картине Н.Н. Ге «Совесь (Иуда)». Одинокая фигура Иуды на пустынной дороге и удаляющаяся процессия, увозящая Иисуса Христа, – это олицетворение совести.

* * *

В постижении соотношения между истиной и правдой важное значение имеет сопоставление изображения истины изобразительными средствами и художественным (литературным) образом. В основе такого подхода лежит, во-первых, тот факт, что живопись и литература подпитывают друг друга, каждая по-своему выражая «свою правду», а, во-вторых, визуальное восприятие полотна художника и литературного текста требует толкования, рефлексии, выраженной словом, т.е. постижение изобразительного материала, обрамлённого в оболочку мысли. Неслучайно в теории И. Иттена находим формулу: «... существует такое понятие,

как "литературность", когда живопись, по той или иной причине, не обладая достаточными классическими и выразительными качествами, привлекает в свой арсенал чисто повествовательную, "литературную" составляющую»⁸³.

Новые подходы к осмыслению истории и реальности при реализации психосемантических проектов подтверждают справедливость и продуктивность погружения в истину, прибегая к «правдам», как литературным, так и выражаемым изобразительными средствами. Мировая и российская классика полна примеров постижения и выражения «истины» или движения к ней в образах живописи и в литературных текстах.

Читая с интересом и наслаждением краткий романтический шедевр И.А. Бунина «...и от сладостных слёз не успею ответить, к милосердным коленам припав»*, как не вспомнить гениальное произведение Рембрандта Хармена ван Рейна «Возвращение блудного сына» (точной даты нет, 1666–1669).

Философская глубина произведения И.А. Бунина и важный смысл состоит в его признании в том, что для него нет большего счастья, чем вдыхать аромат скошенного сена и смотреть в бездонное русское небо. В данном случае предчувствие ностальгии по Родине одновременно ощущается и воспринимается как больная память о «русскости», свидетельствуя о том, что накануне эмиграции, в 1918 г., И.А. Бунин предчувствовал приступы и наплывы гражданской и этнической ностальгии.

Особенно наглядно видны тесные смысловые ассоциации в рамках различных сфер российского искусства, как, например, между знаками той главной картины Алексея Кондратьевича Саврасова «Грачи прилетели» (1871 г.) и известным со школьной скамьи знаменитым стихотворением Бориса Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать». Несмотря на жанровую простоту и скромность цветового решения, «Грачи прилетели» вселяют в зрителя надежду на гармоничное продолжение жизни, на цикличность природы, на долговечность жизни как надёжной Матери-Родины, и сохранение самобытности русскости как этничности.

«Грачи прилетели» – это шум взмахов крыльев, гомон птиц, «ремонтирующих» прошлогодние гнёзда, порывы ветра, запахи талого снега вызывают у зрителя не только литературно-изобразительные, но и звуковые ассоциации. Подоб-

* «И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
"Был ли счастлив ты в жизни земной?"
И забуду я всё – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным Коленам припав».

(И.А. Бунин, 1918)

но объективным артефактам этничности, становящимся субъективными «элементами этнической идентификации»⁸⁴, включённость зрителя в картину «Грачи прилетели», в «созвучье полное природы», благодаря оттенкам чувств, мыслей и воображения, охватывает и вовлекает его в духовное наследие родного края.

Стихотворение «Февраль» Бориса Пастернака продолжает и дополняет звуковую палитру приближающейся весны, изображённой на картине «Грачи прилетели»*: «Это и плач навзрыд в начале и в конце стихотворения. И грохочущая слякоть, которую мы называем привычным словом капель. И звуки благовеста с колоколен, раздающиеся на всю округу, и "клик колёс" пролётки, которые переносят нас на полтора месяца вперёд. И шум ливня <...>»⁸⁵.

* «Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.
Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез крик колёс
Перенестись туда, где ливень
Ещё шумней чернил и слёз.
Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей».

(Пастернак, 1912)

Чувство Родины – основа гражданской идентичности

Анализу содержания, параметров и интенсивности гражданской идентичности, в т.ч. проявляемой в чувстве Родины, посвящена значительная социологическая литература, реализовано немало этносоциологических и этнополитических исследовательских проектов разного масштаба и качества. Менее всего даже самые авторитетные исследователи межэтнических отношений и современных трендов нациестроительства обращаются к информации в ценнейших источниках и прежде всего – в литературе, живописи, скульптурных памятниках, песенном творчестве.

Видимо, сказываются не только ведомственные границы между наукой и искусством, но и несостыкованность между фактом – хлебом учёного, и образом – отпечатанным в сознании художника реальным пейзажем, событием или личностью. Между тем суть несостыковки лежит не просто между фактом и образом, а залегает глубже, в несовпадении истины как факта и правды как образа. Под художественным образом в данном случае понимается нечто, рождённое в воображении художника и отражающее двуединую сущность явления – как факта и как содержание собственного видения художника. Именно в этом, как мне кажется, кроется оправдание бинарной состыковки факта и образа, реальности и ощущения, а в конечном счёте – примордиализма и конструктивизма.

В любом виде искусства художественный образ складывается из двух компонентов: 1) из выражаемого в нём духовного содержания и 2) характера материала, в котором это содержание воплощается. Напомню, что в литературе художественный образ динамичен, в живописи – изобразителен, в архитектуре – статичен, в скульптуре – одновременно и статичен, и изобразителен.

В отличие от аналитического мышления, питательным материалом для которого служат факты и понятия, воображение использует образы, основная функциональная нагрузка которых – создание и преобразование образов с целью выработки новой, ранее не существовавшей ситуации, объекта, чувства или явления.

Картину В.М. Васнецова, на которой изображены три всадника, иногда называют «Богатыри», порой – «Три богатыря». Она занимает центральное место в творчестве Васнецова. Работа над её созданием продолжалась более 20 лет. На ней изображены былинные герои Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. Вместе с изображением величественного пейзажа «Богатыри» являются национальным достоянием русского народа и русской культуры, благодаря которому у читателя возникает ощущение величия феномена русскости и притягательности своей родины. Это чувство созвучно с многолетними исканиями В.М. Васнецова для воплощения героических идеалов, отражения неиссякаемой любви к Родине, выражения в

художественном образе человечности и патриотизма, внутренней и внешней душевной и физической красоты русского народа. Могучие «Богатыри» В.М. Васнецова представляют могучих людей могучей, широкой земли*.

Мне уже приходилось вспоминать, что в первое послевоенное десятилетие и далее – в 1950-е гг., в пору моего школьного ученичества, на стыке между исходом мрачного сталинского периода советской истории и грядущей хрущёвской оттепелью, картина Васнецова «Богатыри» была величественным символом, знаменем и брендом советского патриотизма.

Широко раскинутая степь, по небу плывущие облака, зелёная трава под копытами лошадей, невообразимая сила и мощь, исходящая от легендарных (русских) богатырей и их доспехов вселяли в душу уверенность и гордость за свою страну, одержавшую победу в Великой Отечественной войне над фашизмом. Через более чем полвека я продолжаю думать в том же ключе. В военные и послевоенные годы копии этой картины тиражировались в миллионах экземпляров. Её репродукции призывно висели в школьных коридорах и кабинетах чиновников, в библиотеках, клубах и избах-читальнях, порой успешно конкурируя по количеству и привлекательности с портретами «вождя народов»⁸⁶.

Образы Ильи, Добрыни и Алёши, знакомые многим поколениям россиян со школьной скамьи, представляют собой большую удачу русской исторической живописи. В них величаво воплощена правда, подчеркнём это слово, о русском народе, любовь к русскому человеку и вера в самые лучшие, высокие нравственные его качества, дающие ему право на великое будущее.

Неиссякаемым источником для вдохновения художников разных жанров и разных эпох является русский ландшафт и многократно воспетая белая берёза. Среди русской классической живописи достаточно назвать всемирно известные шедевры А.К. Саврасова «Грачи прилетели» как тихий гимн русской природе**, И.И. Левитана «Золотая осень»***, А.И. Куинджи «Берёзовая ро-

* С помощью изобразительной гиперболы художник наделяет героев своей картины русской идентичностью («русскостью»). Илья Муромец олицетворяет фундаментальность, опору на опыт и традиции русской народной культуры, мудрую неторопливость. Гордый боевой дух, готовность защищать родную землю воплощены в образе Добрыни Никитича, поэтическое, созерцательное начало русской души, чуткость к проявлениям красоты, отражены в образе Алёши Поповича, недаром на одном боку у него колчан со стрелами, на другом – гусли.

** Писатель В.М. Гаршин признавался, что назвал бы эту картину «Чувство Родины». В самом деле, картина рождает любовь к Родине ярким образом, возникающим от весенней звонкой капли, дымка и тонких берёзок и высокого неба.

*** Белоствольные берёзки в ярком осеннем убранстве сияют в лучах солнца в картине Левитана. Берёзки сплошь покрыты золотой листвой. Правда Родины, возникающая у зрителя, очаровывает его свежестью и яркостью красок, трепетным дыханием жизни.

ца»^{*}, И. Грабаря «Февральская лазурь»^{**}. Соотнесение берёзы с русской этничностью вполне сравнимо с символами деревьев у многих народов мира – ливанского кедра, канадского клёна, японской сакуры, индийского лотоса, гагаузской акации, английского дуба. Без образа Родины как родной земли и без дерева, создающего этот шемящий образ, немислима и соответствующая этническая идентичность.

Берёза являла собой поэтическое олицетворение России и русскости. Признаниям в любви к белой берёзе как символу родины несть числа. . . . Созданный Сергеем Есениным художественный образ белой берёзы, как и населявший многие произведения русских писателей, помогает вместе с поэтом осознать радость и горе, сожалеть о несбывшихся мечтах, сравнивать её с образом родного дома и русской сторонкой. В устном народном поэтическом творчестве культ берёзы был символом возрождения, обновления, очищения, символом плодородия. Модификация концепта берёзы в творчестве отечественных и особенно советских писателей и художников, придало (прибавило) традиционному культу берёзы дополнительное гражданское, патриотическое звучание, наполнив смыслом гражданской идентичности.

В любви к берёзе как символу Родины клялись многие поэты и писатели и после Есенина. «Русь моя, люблю твою берёзу, с ранних лет я с ними жил и рос», – как молитву произносит Николай Рубцов. «Без берёзы не смыслю России, так светла по-славянски она. Что, быть может, в столетия иные от берёзы вся Русь рождена», – придаёт долговременный, животворящий характер родной берёзке поэт Олег Шестинский.

В русской классической поэзии, как и в живописи, есть вершинные стихотворения, в которых созданы чудные смыслообразующие образы русской берёзы. Можно назвать едва ли не наугад произведения С. Есенина «Берёза»^{***}, А. Прокофьева «Берёзка»^{****}, Н. Рубцова «Берёзы»^{*****}, А.Т. Твардовского «Берёза»^{*****}, А. Фета «Печальная берёза у моего окна»^{*****}, М. Бубеннова «Белая берёза».

* Размышляя перед картиной Куинджи, зритель словно входит в берёзовую рощу и ощущает себя в красоте своей Родины. И кажется ему, что вот-вот из-за белых берёз появятся русские девушки-Алёнушки с длинными косами и поплывут в дивном русском хороводе, наполняя сердце мужчин готовностью защитить и Родину и воображаемых девушек.

** Гигантская берёза на картине И. Грабаря напоминает мудрого седого старца, вросшего корнями глубоко в землю. «Что может быть прекраснее берёзы, единственного в природе дерева, ствол которого ослепительно бел, тогда как все остальные деревья на свете имеют тёмные стволы. Фантастическое, сверхъестественное дерево, дерево-сказка» – говорил И. Грабарь.

*** Силу и красочность поэтическому образу есенинской «Берёзе» придаёт её очеловечивание. Она, как сказочная красная девица, влюбляет в себя равнодушных к красоте людей, которые тем самым признаются в любви к России.

**** Очеловеченный, этнически окрашенный образ придаёт берёзе и Александр Прокофьев: «Люблю берёзу русскую, то светлую, то грустную. В белом сарафанчике, с платочками в карманчиках, с кра-

В формировании гражданской идентичности и в воспитании чувства патриотизма наряду с литературой и живописью немалую роль играют памятники, посвящённые дедам и прадедам – солдатам, отдавшим свои жизни во имя спасения Родины. Из почти тридцати памятников Матери-Родине более десятка находятся в городах России. Как правило, они служат не только исторической памяти, олицетворяя гражданскую идентичность, но одновременно являются символами и катализаторами этнической идентичности.

Смена вектора русофилии на русофобию на Украине породило широко-масштабный вандализм по сносу и осквернению исторических памятников, в той или иной мере олицетворяющих исторические и межкультурные связи украинского и русского народов. Примерам поистине несть числа... Повреждён памятник Владимиру в Киеве, повален на землю памятник Зое Космодемьянской, в плане националистов – демонтаж памятника Николаю Щорсу. «Без арки, без дружбы, без ума» – так оценили эксперты решение политической элиты о сносе Арки Дружбы народов, с целью «сожжения» всех мостов между Украиной и Россией.

Во многих городах взорваны, демонтированы или осквернены памятники Ленину, героям гражданской и Великой отечественной войны. СМИ Украины распространяют мнение, что тотальный снос памятников Ленину служит символическим отражением разрыва с советским прошлым. Эта широкомасштабная кампания, получившая неофициальное название «Ленинопад», является истиной вандализма, а на самом деле олицетворяющая правду русофобии, акцией зла и ненависти, а не добра и миротворчества.

сивыми застёжками, с зелёными серёжками. То ясную, кипучую, то грустную, плачущую, люблю берёзу русскую».

Берёза Николая Рубцова не просто красивое дерево, похожее на молодую девушку, берёза – это историческая память, пробуждающая и радостные, и грустные воспоминания: «Я люблю, когда шумят берёзы, когда листья падают с берёз. Слушаю и набегают слёзы на глаза, отвыкшие от слёз. Всё очнётся в памяти невольно, отзовётся в сердце и в крови. Станет как-то радостно и больно, будто кто-то шепчет о любви».

Выдающийся поэт XX века, редактор «Нового мира», журнала времён оттепели и застоя, Александр Твардовский, воспел в берёзе, приблизившейся к Кремлю, историческую память, гордость и жизненную силу русского народа: «Её не видно по пути к Царь-пушке за краем притененного угла. Простецкая – точь-в-точь с лесной опушки, с околицы забвенной деревушки, с кладбищенского сельского бугра <...>».

Многие стихи А.Фета, в т.ч. «Печальная берёза у моего окна», «Учись у дуба, у берёзы» – раскрывают состояние его души, плод его глубоких раздумий о добре и зле, о смысле жизни, об этнической и религиозной идентичностях, о том, что на смену жизненных невзгод непременно придут радость и счастье. «Учись у них – у дуба, у берёзы. Кругом зима. Жестокая пора! Напрасные на них застыли слёзы и треснула, сжимаемая кора. <...> Но верь весне. Её промчится гений, опять тепло и жизнь дыша, для ясных дней, для новых откровений переболит скорбящая душа».

Концепты чувств и эмоций

«В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество, Верность, Братство.
А есть ещё: Совесть, Честь...
Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!»
Александр Яшин

Проблемы добра и зла, стыда и совести, верности и предательства, любви и ненависти, мужества и трусости с давних пор занимали творческое воображение писателей и поэтов, художников и скульпторов, и не только их...

В устном народном поэтическом наследии множество легенд, сказок, притчей, поговорок рождено нашествиям на Русь и сопротивлением. В русских народных сказках добро всегда побеждает зло и получает награду за свои добрые поступки. Добро – это радость и счастье, надежда и уверенность в себе, белый свет, как свет чистоты, света, голубой и синий – цвет неба, воды, красный – цвет жизни и правды, борьбы со злом.

Герои русских народных сказок: Иванушка-дурачок, Елена Прекрасная, Василиса Премудрая наделены красотой и добротой, трудолюбием и заботливостью. Иван-царевич изображался умным и смелым, добрым и отзывчивым. Все они любят Родину и готовы сражаться с врагами.

Образу «добра» сопутствуют мужество, скромность, милосердие, чистая совесть, справедливость, спокойствие. Противоположное ему «зло» наделено лживостью, предательством, свирепостью, чёрным цветом. Злые ведьмы одеты в чёрное, имеют чёрный цвет волос. Чаще всего воплощением зла выступает Баба Яга, Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, они характеризуются жадностью, трусливостью, хитростью, бестактностью, лживостью, эгоизмом и агрессивностью.

Степан Эрзья любил жизнь во всех её проявлениях, боготворил женщин, воплощая их в образах матери, возлюбленной, жены, сестры и других родственниц, нередко привнося в них мордовский колорит.

Так, например, демоническая красота выражена в его известных произведениях «Портрет аргентинской женщины» (1935), «Медуза» (1938); по весеннему нежное очарование – «Марта» (1912); обаяние молодости – в произведении «Каприз» (1944); скорбь и отчаяние – в «Женском портрете» (1934), «Монахиня» (1941), «Чилийка» (1943), «Аргентинка» (1944), материнство – в работах «Мать с ребёнком» (1929), «14-летняя мать» (1939).

Женские портреты С. Эрзы – это не только представительницы эрзянского народа. В них выражаются этнические особенности и одновременно этические категории – глубокие и искренние чувства, обаяние и лиризм – «Эрзянка», «Монголка» (1915), «Голова мордовки» (1917).

Находясь вдали от Родины, скульптор обращается к образу Александра Невского (1931) – одного из русских национальных героев, что свидетельствует о несомненном российском патриотизме мордовского скульптора. Внутренняя энергия созданного образа служит прекрасным примером симбиоза изображения защитника Отечества и адекватной рефлексии художника. Прекрасен своей романтической взволнованностью портрет Бетховена, в экспрессивной моделировке лица которого Эрзя сумел передать одухотворённую стихию движения мысли великого композитора.

Понимание единства примордиального и конструктивистского подхода к этничности в известной степени предопределено соотношением истины и правды, если истину воспринимать примордиально – как факт этничности, а правду – конструктивистски как наличие правды у каждого носителя ценностей этничности. Следовательно, «этничность – это не только этническая идентичность, этническое самосознание, но и реальное следование этноспецифическим формам поведения, особенностей в видении и восприятии мира, в жизненных ориентациях»⁸⁷.

В скульптурных портретах выдающегося мордовского скульптора Степана Эрзы (Степана Фёдоровича Нефёдова, 1876–1959) – «Карл Маркс» (1927), «Бетховен» (1929), «Лев Толстой» (1930), «Александр Невский» (1931), «Сократ», «Микельанджело» (1940), «В.И. Ленин» (1956) – переданы самые характерные черты, присущие персонажам скульптурных портретов. «Русским Роденом», «Скульптором души» называли Степана Эрзю – всемирно известного ваятеля, яркого представителя стиля модерн.

Этногендерные рефлексии

«Давайте поклоняться доброте!
Давайте с думой жить о доброте:
Вся в голубой и звёздной красоте,
Земля добра. Она дарит нас хлебом,
Живой водой и деревом в цвету.
Под этим вечно беспокойным небом
Давайте воевать за доброту».
Анатолий Чепуров

Экстраполируя задачу избранной тематики на исследование этничности в произведениях выдающегося отечественного ваятеля, необходимо сделать оговорку, что анализ его более чем 300 произведений не входит в замысел данной работы. Однако, чтобы как-то найти точку опоры для определения позиции художника в гендерном и вместе с тем в этническом вопросе и его вклада в разработку темы, обратимся к полусотне его произведений, упомянутых в Википедии, составивших своеобразное «избранное» (см. табл. 1).

Исследование истины и правды этничности, выраженной изобразительными средствами и художественными образами, представляют собой, памятуя замысел В.В. Пименова, важное и актуальное направление в постижении этничности. Особенно это актуально в современных условиях, когда в этнологии наметился глубокий поворот к антропологизации, как, например, в «грамматике жизни».

Не настаивая на абсолютной завершённости анализа относительно выражения образа этничности и образа Родины в произведениях С. Эрзи, можно всё же видеть на приведённой в табл. 1 выборке, что этничность удаётся выразить скорее в женских портретах, чем в мужских, а тему Родины – наоборот, в образах мужчин.

Так, например, в выборке из Википедии из натурщиков 26 произведений – 14 – женщины (54%) указанием их этнической принадлежности: эрзянка, мордовка, ассирийка, аргентинка, француженка, парагвайка, испанка, чилийка, русская женщина.

Преобладающее изображение этнической идентичности, а вместе с ней и этничности, не осталось незамеченным в искусствоведческой и культурологической литературе и, прежде всего, – в литературе, освещающей сокровища, культуру и языки финно-угорского мира. Так, например, анализируя работу «Эрзянка» (1915) исследователь фиксирует внимание на национальном головном уборе, традиционном ожерелье из монет, орнаментальной вышивке на рубахе и скрепляющей её вырез застёжке (сюегано). В квалифицированных отзывах и профессиональных рефлексиях о женских портретах подчёркивается, что «образы как подлинных, так и "условных" мордочек в национальных костюмах и головных уборах у Эрзи – это отнюдь не изображения "простых тружениц" в духе передвижнического реализма и не этнографические жанровые зарисовки на темы на-

родного быта, а заметно эстетизированные образы в духе модерна. Эрзынские мордовки привлекательны, эротичны, по-своему изысканы...»⁸⁸.

Таблица 1

Этногендерный акцент произведений С. Эрзы
(по данным Википедии, выборка из 48 произведений)

	Женщины	Мужчины
1.	Женщина в шляпе, 1906	Иоанн Креститель, 1919
2.	Норвежская женщина, 1910	Голова Карла Маркса, 1919
3.	Портрет балерины Фёдоровой, 1915	Памятник великому кузнецу мира, 1920
4.	Эрзянка, 1915	Народный трибун, 1920
5.	Калипсо, 1917	Людвиг ван Бетховен, 1929
6.	Ева, 1919	Боливец, 1933
7.	Мордовка, 1917	Пламенный, 1934
8.	Актриса, 1922	Моисей, 1932
9.	Мать с ребёнком, 1929	Аргентинец, 1934
10.	Обнажённая, 1930	Казак, 1942
11.	Ассирийка, 1931	Старик-мордвин, 1943
12.	Женщина из Индокитая, 1931	
13.	Елена, 1934	
14.	Аргентинка, 1935	
15.	Спящая мать, 1937	
16.	Портрет мордовки, 1938	
17.	Француженка, 1938	
18.	Портрет матери, 1940	
19.	Монашенка, 1941	
20.	Парагвайка, 1941	
21.	Испанка, 1942	
22.	Чилийка, 1943	
23.	Портрет русской женщины, 1943	
24.	Женский портрет, 1949	
25.	Москвичка, 1953	
26.	Портрет обнажённой студентки	
Некоторые произведения С.Эрзы, не включённые в подборку Википедии		
1.	Марта, 1912	Боливец, 1945
2.	Монголка, 1915	Мужество, 1932
3.	Аргентинка, 1940, 1941, 1944, 1945	Китаец, 1934
4.	Спящая женщина, 1945	Крестьянин-мордвин, 1937
5.	Каприз, 1944	Портрет отца, 1944
6.	Молодость, 1940	Партизан, 1943
7.	Балерина, 1943	Портрет боливица, 1945
8.	Голова мордовки, 1915	
9.	Парижанка в шляпке, 1927	
10.	Боливийская революционерка, 1949	

В той же интернетовской «выборке» из 11 мужских портретов, только у троих (27,3%) обозначена национальность: боливиец, аргентинец, старик-мордвин. К тому же две этнические идентичности скорее относятся к гражданской принадлежности портретируемых, т.е. к Боливии и Аргентине.

Не все любители классической музыки могли бы поверить, что великий композитор Бетховен (1770–1827) жил за непроницаемой, отделяющей его от всего мира стеной глухоты. Однако взгляды в портрет Бетховена, созданный Степаном Эрзеем в 1929 г., легко можно представить себе, каким невероятным усилием воли гениальный композитор преодолевает проклятие своей болезни и слушает музыку, звучащую в его сердце, которая ошеломит Европу.

Огромная, выточенная из альгарробо голова Моисея, который считал, что поколение рабов не может управлять государством, и ждал, когда вырастут молодые, свободные духом и волей, не ищущие направляющей руки, готовые сами стать у кормила правления, потомки.

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, правдоискатель, у Эрзи чем-то похож на «Моисея». Богатырской статью непокорности и сопротивления, сжигающей его страстью, иступлённой любовью к будущему своего народа. Вихрем взметённые волосы, летящая словно по ветру борода, косматые брови, сердито нависшие над глазами какими-то седыми кустами. Кажется, будто он борется с бурей. Сложно и противоречиво выражение его лица – в нём бушуют чувство и мысль. Недаром второе название портрета – «Мыслитель».

Непреходящие понятия добра и зла, мужества и силы духа, счастья и горя выражены в произведениях, имеющих под собой литературные основания на библейские сюжеты. Среди них достойное место занимают «Ева» (1919), «Иоанн Креститель» (1928), «Моисей» (1932), «Христос» (1945).

В произведениях «Мужество» (1932), «Ужас», «Горе», «Отчаяние» (1936), «Тоска» (1944) с огромной художественной силой переданы непреходящие принципы и качества человеческого духа, ставшие неотъемлемой нормой мировоззрения и поведения людей многих поколений.

Важный, с психологической точки зрения, цикл работ был посвящён изображениям переживаний человека, его душевных, психологических состояний. Распущенные длинные волосы, раскрытый в вопле рот, сведённое конвульсиями лицо – «Ужас». Твёрдые губы, волевой подбородок, решительный очерк глаз и бровей – такой не согнётся, не отступит перед препятствиями – «Мужество». Склонённая на руки голова, взгляд, как бы погружённый в себя, – «Думы». Главное в творчестве Эрзи – это портреты людей сильных, цельных, устремлённых. Тех, что не просто погружены в эмоции, но подчиняют их своей воле и этим участвуют в созидании и развитии жизни.

В изображении ностальгии, преданности и любви, сердечности и бесконечной благодарности за подаренную жизнь мало найдётся среди художников, кто пером или кистью, резцом или красками не брались бы за изображение матери.

Одно из самых сильных, пронзительных и впечатляющих произведений С. Эрзи – «Портрет матери» (1940). В запавших глазах тяжёлая, многолетняя усталость, а в неожиданном, очень точно схваченном повороте головы душевная сила и удаль тех крестьянок, что «коня на скаку остановят, в горящую избу войдут». Такой и запомнил её Степан Дмитриевич. Была весна, и все мужики ушли бурлачить, и вдруг обычная тихая Бездна сломала лёд и ринулась из берегов. Мать спасала детей, своих и чужих, заботилась о стариках, своих и чужих, невзирая на опасность, выводила из коровников скот, помогала ему, обезумевшему от испуга, бороться с ледяной водой.

Заключение

Бесконечные споры о несовместимости примордиалистского и конструктивистского подходов к исследованию и осмыслению этничности, изрядно набившие оскомину, оказываются яйца выеденного не стоят, если воспринимать феномен этничности, во-первых, как соотношение истины и правды и, во-вторых, – в свете новейшей психосемантической парадигмы многомерного сознания⁸⁹.

Инициаторами пересмотра теорий этнографического описания культуры, истории и в меньшей мере – ментальности народов на рубеже 1970–1980-х гг. выступили учёные, взявшие в качестве методологической установки роль социальных факторов и ценностей, а также познавательных-психологические мотивы с целью построения «картины этничности» и концепции «этнической идентичности». С точки зрения исследовательской и познавательной деятельности, эти учёные, номинировавшие себя конструктивистами, оказались в оппозиции относительно реалистических представлений об этничности и этнических особенностях народов.

«Согласно методологическому принципу конструктивизма в философии, психологии, социологии (Дж. Келли, П. Бергер, А. Шюц, К. Герген, Ж. Пиаже, Т. Лукман, В.С. Стёпин, У. Матурана, Ф. Варела, Р. Ватслик, И. Глазарсфельд) знания не содержатся непосредственно в объекте (в "объективной действительности") и не извлекаются из неё в ходе "движения от относительной к абсолютной истине", а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными»⁹⁰.

В разработке проблем этничности (в смысле абхазскости, башкирскости, гагаузскости, русскости, татарскости, чеченскости и др.) параллельно с наступательной энергией конструктивизма и оборонительной самозащитой примордиализма успешно разрабатывались новые идеи и исследовательские проекты культуры, культурной деятельности и речевого поведения, социологической и языковой личности. Однако трактовка этничности как психосемантической акции, как синтеза субъективного отображения объективной реальности и дополнение её психологическими личностными представлениями («воображением» – по Б. Андерсону) позволяет анализировать этничность с помощью совокупности факторов и образов как на личностном, так и на групповом уровне.

В известном смысле могу согласиться с тем, что меня вместе с Л.М. Дробжевой и В.А. Ядовым не относят ни к радикальным примордиалистам, ни к упёртым конструктивистам, а по справедливости включают в ряды инструменталистов⁹¹. Ещё раз соглашусь с Г.Р. Шакуровой в том, что «инструментализм нередко опирается на социально-психологические теории, где этничность трактуется как эффективное средство для преодоления отчуждения, достижения более комфортного состояния и выступает в качестве социальной терапии»⁹².

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., Наука, 1973. 331 с.
2. Там же. С. 230–272.
3. Губогло М.Н. Антропология повседневности. М., 2013. 752 с. См. рец.: Карлов В.В. Повседневность как объект и предмет рефлексии // Вестник антропологии. 2015. № 4. С. 201–205.
4. Орищенко С.С. Искусство звучащего слова. Кн. IV: Живопись. Самара, Изд-во Самарского научного центра РАН, 2013. С. 7.
5. Тишков В.А. Три карты. Теория и общие подходы к проблеме «культуры и пространства» // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территории, регионов и мест. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 7–26.
6. Тишков В.А. От этноса к этничности и после... // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
7. Там же.
8. Ленин В.И. ПСС. Т. 20. М., Изд-во политической литературы, 1973. С. 194.
9. Комарова Г.А. Статистико-этнографические исследования в Урало-Поволжье // Вестник антропологии. 2015. № 3 (31). С. 5–24.
10. Клишина О.С. Этнологический факт в художественной литературе (на примере творчества Н.С. Лескова) // Учёные записки Орловского госуниверситета. Орёл, 2007. С. 344–347.
11. Гузенкова Т.С. Эпилог. Профессия этнограф – жизнь и судьба // Владимир Пименов. Моя профессия – этнограф. М.; СПб., Аврора, 2015. С. 261–309.
12. См., напр.: Клишина О.С. Этнологический факт...
13. Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л., Наука, 1985. С. 377.
14. Там же. С. 381.
15. Там же.
16. Фромм Э. Душа человека. М., ООО Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. С. 227.
17. Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации. Нара. История, религия, культура. М., Искусство, 1994. С. 3; Скворцова Е.Л. Сложность культуры в воззрениях японских философов XX в. // Культурная сложность современных наций / Отв.ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., Политическая энциклопедия, 2016. С. 335.
18. К 650-летию юбилею молдавской государственности в Институте этнологии и антропологии РАН были изданы 3 книги с посвящениями юбилею: Губогло М.Н. Энергия и инерция соционормативной культуры. М., ИЭА РАН, 2008. 150 с.; Мартынова М.Ю. Традиции и инновации в соционормативной культуре. М., ИЭА РАН, 2008. 72 с.; Тишков В.А. Устойчивость и подвижность этнокультурных границ. М., ИЭА РАН, 2008, 231 с.
19. Большая советская энциклопедия. Т. 28. М., 1978. С. 163–164.
20. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки. М., Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012.
21. Там же.
22. Тишков В.А. Три карты... С. 7–26; Малькова В.К. Культура и пространство. Кн. 1: Образы российских республик в Интернете. М., ИЭА РАН, 2009.
23. Там же.
24. Замятин Д. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. 2002. № 6.
25. Малькова В.К. Культура и пространство... С. 35.
26. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., Новый Хронограф, 2010. С. 61.
27. Фромм Э. Душа человека... С. 10–11.
28. Петренко В.Ф. Многомерное сознание... С. 61.
29. Козинцев Г. Наш современник Вильям Шекспир... М., Искусство, 1966 // Интернет-ресурс: <http://lib.ru.shakespeare/Kozincev.txt>
30. Там же.
31. Петренко В.Ф. Многомерное сознание...

32. *Козинцев Г.* Наш современник Вильям Шекспир...
33. *Заболоцкий Н.* Стихотворения и поэмы. М., Ирбис, 1999.
34. *Артановский С.Н.* Мировое развитие и глобализм // Диалог культур и партнёрство цивилизаций. IX Международные Лихачёвские научные чтения 14–15 мая 2009. СПб., 2009. С. 228.
35. *Астахов Е.М.* Диалог или монолог цивилизаций (О цивилизационном подходе к истории) // Диалог культур и партнёрство цивилизаций. СПб., 2009. С. 230.
36. Мир гагаузов и гагаузы в мире / Автор идеи, сост., отв. ред. М.Н. Губогло. Т. 2. Комрат–Кишинёв, Tipographia central, 2012, 1012 с.; *Губогло М.Н.* Миротворческий потенциал традиционной культуры. Комрат–Кишинев, Foxtrot, 2016.
37. *Скатов Н.* О культуре. СПб., Изд-во СПб ГУП, 2010. С. 213.
38. Там же. С. 305.
39. Интернет-ресурс: <http://ikinigi.net/avtorygiy-bezelyanskiy/49945-69-etudov>
40. *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., Советский писатель, 1990.
41. Там же. С. 98.
42. Там же.
43. Там же. С. 146.
44. Цит. по: *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., Советский писатель, 1990. С. 114–115.
45. Там же. С. 115.
46. *Астафьев В.* Ловля пещерей в Грузии. Рассказ без сокращений и с послесловием // Собр. соч. в 15 т. Т. 13. Красноярск, Офсет, 1998.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. Здесь и далее стихи И. Чиннова цитируются по: *Чиннов И.* Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 2000.
51. Цит. по: *Ермишина К.* От гимнов к проклятиям // Свой. Ежемесячное приложение к газете «Культура». Журнал Никиты Михалкова. М., Март 2017. С. 13–14.
52. *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. СПб., 2000.; *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., Канон, 2004.
53. *Губогло М.Н.* Бинарные оппозиции в культуре гагаузов: миротворческие и конфликтогенные ресурсы (лексико-семантическое исследование) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 254. М., ИЭА РАН, 2016; *Губогло М.Н.* Миротворческий потенциал традиционной культуры. Комрат–Кишинёв, Foxtrot, 2016.
54. *Румянцев А.* Возле Распутина было теплее // Литературная газета. 2017. № 10. 15–21 марта. С. 8–9.
55. *Ермишина К.* От гимнов к проклятиям... С. 14.
56. *Попов Э.А.* Русский консерватизм: Идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Дону, Изд-во Рост. ун-та, 2005. С. 17.
57. Александр Бенуа размышляет... // Подгот. изд., вступит. статья и комм. И.С. Зильберштейна и А.Н. Савинова. М., 1968. С. 603.
58. Там же. С. 664; *Стернин Г.Ю.* «Мои воспоминания» Александра Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX в. // Александр Бенуа. Мои воспоминания в пяти книгах. Кн. 4, 5 / Изд. второе, доп. М., Наука, 1990. С. 584.
59. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1: От прошлого к будущему. / Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997; *Биллингтон Дж. Х.* Икона и топор. Опыт исследования истории русской культуры. М., Рудомино, 2001; *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., Наука, 2013.
60. *Стернин Г.Ю.* «Мои воспоминания» Александра Бенуа... С. 596.
61. *Лесков Н.С.* Очарованный странник // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М., Изд-во «Правда», 1989. С. 336.
62. *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации... С. 20.
63. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание... С. 137.
64. *Александр Бенуа.* Мои воспоминания в пяти книгах. Кн. 1. С. 9.
65. Там же. Кн. 2. С. 388.
66. Там же. С. 425.

67. Там же. Кн. 5; См. также: *Стернин Г.Ю.* «Мои воспоминания» Александра Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX в. // Александр Бенуа. Мои воспоминания в пяти книгах. Кн. 4, 5 / Изд. второе, доп. М., Наука, 1990. С. 583.
68. *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 3: Всё о любви. Городок. Рысь. М., Книжный клуб, Книговек, 2011. С. 326.
69. *Чиннов И.* С. 35.
70. *Клюева И.В.* Самопрезентация в автопортретах С. Эрзы: миф и исповедь // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова // Материалы международной конференции (СПб, 26027 мая 1997 г.). СПб., Изд-во Института человека РАН (СПб отделение), 1997. С. 87–92.
71. Там же. С. 104.
72. Мир гагаузов и гагаузы в мире. Т. 2....
73. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М., Языки славянской культуры, 2013. С. 639–640.
74. *Блок А.А.* Собрание сочинений: Т. 1-й: Стихотворения 1897–1904. М.; Л., Художественная литература, 1969. С. 79.
75. *Полонский Я.П.* К портрету М.И. Лопухиной // Интернет-ресурс: <http://www.stihi-XIX-XXvekov.ru/polonskiy|135.html>
76. *Заболоцкий Н.* Стихотворения и поэмы. М., Ирбис, 1999.
77. *Мандельштам О.* // Интернет-ресурс: <http://www.stihi.ru/2012/06/11/3206>
78. *Ли Бо.* Храм на вершине горы // Интернет-ресурс, 2016: // http://samlib.ru/_1_a/li_bo.shtml
79. *Залыгин С.* // Интернет-ресурс: <http://historylib.net/derevenskaya-proza-60-80-x-godov/>
80. *Губогло М.* Сполохи прошлого. Автобиографические заметки. Кишинёв, Tipografia Centrala, 2008. С. 448–449, 451.
81. *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М., Иностранная литература, 1962. С. 283; *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание... С. 384.
82. Евангелие от Матфея 26: 47–56.
83. Цит. по: *Орищенко С.С.* Искусство звучащего слова... С. 26.
84. *Губогло М.Н.* Элементы этнической идентификации...; он же. Языковые контакты и элементы этнической идентификации... С. 26.
85. *Орищенко С.С.* Искусство звучащего слова... С. 97.
86. *Губогло М.* Сполохи прошлого. Автобиографические заметки. Кишинёв, Tipografia Centrala, 2008. С. 314.
87. *Дробижева Л.М.* Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества: Сб. статей / Отв.ред. Л.М. Дробижева. М., 1994. С. 9.
88. *Клюева И.В.* Образы представителей мордовского этноса в творчестве Степана Эрзы // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 90.
89. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание... С. 162–163.
90. Там же. С. 162–163.
91. *Шакурова Г.Р.* Современные подходы к изучению этничности // Интернет-ресурс, 2012 // http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059
92. Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Агиенко М.И.* Структуры концептов правда, истина, truth в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. фил. наук. УрГУ, Екатеринбург, 2005. 24 с.
2. *Акулов, Генрих.* 2016 «Не обижай родных и близких...»: афоризмы, цитаты. Интернет-ресурс ([https://city.info/samizdat/genrih – akulov](https://city.info/samizdat/genrih-akulov))
3. *Алексеев В.П.* Избранное. Т. 2. Антропогеография. М., Наука, 2007.
4. *Артановский С.Н.* Мировое развитие и глобализм // Диалог культур и партнёрство цивилизаций / IX Международные Лихачёвские научные чтения. 14–15 мая 2009. СПб, 2009. 552 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человечества / Языки русской культуры. М., 1999. 896 с.
6. *Астафьев, Виктор.* Ловля пескарей в Грузии. Рассказ без сокращений и с послесловием // Астафьев В. Собр. соч.: в 15 т. Т.13. Красноярск, Офсет, 1998.
7. *Астахов Е.М.* Диалог или монолог цивилизаций (О цивилизационном подходе к истории) // Диалог культур и партнёрство цивилизаций. СПб, 2009. С. 229–231.
8. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
9. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. докт. филолог. Наук. Воронеж, Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. 330 с.
10. *Байбурун А.К.* Этика и этикет народов Востока // Азия и Африка сегодня. 1986. № 6.
11. *Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А.* Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной жизни. 2010. Т. IV. С. 396–408.
12. *Барлыбаев, Халиль.* Истина и справедливость как системообразующие ценности. М., 2014.
13. *Бенедикт, Рут.* Хризантема и меч: модели японской культуры. М.-СПб, Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 256 с.
14. Александр Бенуа размышляет... / Подгот. издания, вступ. статья и коммент. И.С. Зильберштейна и А.Н.Савинова. М., 1968. 842 с.
15. *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентная правда // Вехи. Сб.ст. о русской интеллигенции. М., Новости, 1990. С. 5–26.
16. Библия От Иоанна. 8:32.
17. *Биллингтон, Джейм Х.* Икона и топор. Опыт исследования истории русской культуры. М., Рудомино, 2001. 880 с.
18. *Бисмарк, Отто фон.* Афоризмы Бисмарка о России и русских // Интернет-ресурс: <http://yablor.ru/blogs/aforizmi-biamarks-o-rossii-i-rusски3642170>
19. *Богуславский В.М.* Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., Космополис, 1994. 237 с.
20. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М., Добросвет, 2000.
21. *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., Советский писатель, 1990. 175 с.
22. *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). М., 2002. С. 6–34.

23. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., Русские словари, 1997.
24. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., Индрик, 2005. 1040 с.
25. *Гамзатов, Расул.* Мой Дагестан. 1968. С. 27.
26. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М., Сов. писатель, 1988.
27. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1959. Т. 6. С. 33–35.
28. *Головнёв А.В.* Дрейф этничности // Уральский исторический вестник, 2009. № 4 (25). С. 46–55.
29. *Губогло М.Н.* Элементы этнической идентификации в оценках экспертов // Всесоюзная научная сессия, посвящённая итогам полевых археологических и этографических исследований, 1970. Тбилиси, 1971.
30. *Губогло М.Н.* Языковые контакты и элементы этнической идентификации / IX Междунар. конгресс антроп. и этнограф. наук (МКАЭН) (Чикаго, сентябрь, 1973): Доклады советской делегации. М., Наука, 1973.
31. *Губогло, Михаил.* Спохохи прошлого. Автобиографические затеси. Кишинёв, Tipografia Centrala, 2008. 560 с.
32. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М., Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
33. *Губогло М.Н.* Бинарные оппозиции в культуре гагаузов: миротворческие и конфликтогенные ресурсы (лексико-семантическое исследование) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 254. М., 2016. 64 с.
34. *Губогло М.Н.* Миротворческий потенциал традиционной культуры. Комрат-Кишинёв, Foxtrot, 2016. 150 с.
35. *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.
36. *Гузенкова Т.С.* Эпилог. Профессия этнограф – жизнь и судьба // Владимир Пименов. Моя профессия – этнограф. М.-СПб, Аврора, 2015. С. 261–309.
37. Диалог культур и партнёрство цивилизаций / IX Международные Лихачёвские научные чтения. 14–15 мая 2009 / Науч. ред. А.С. Запеюцкий. СПб, Изд-во СПбГУП, 2009. 552 с.
38. *Дробижева Л.М.* Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества: Сб. статей / Отв. ред. Л.М. Дробижева, М., 1994.
39. *Дугин А.Г.* Философия традиции. М., Арктогея-Центр, 2002.
40. *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию, М., Академический проект, Трикста, 2010.
41. *Ермишина К.Б.* Религиозная антропология: Учеб. пособие. Православный Свято-Тихоновский гумм. ун-т, 2015. 368 с.
42. *Ермишина, Ксения.* От гимнов к проклятиям // «Свой». Ежемесячное приложение к газете «Культура», журнал Никиты Михалкова. М., Март, 2017. С. 12–15.
43. Живая этика и наука: Сб.ст. Вып. 1. М., Международный центр Рерихов. Мастер-Банк, 2008. 528 с.
44. *Заболоцкий, Николай.* Стихотворения и поэмы. М., Ирбис, 1999.
45. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., МГУ, 1999. 382 с.
46. *Залевская А.А.* Слово. Текст. // Избранные труды. М., Гнозис, 2005. 542 с.
47. *Замятин Д.* Политико-географические образы. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Человек в зеркале географии. Смоленск, 1996.

48. *Замятин Д.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. 2002. № 6.
49. *Земскова Н.А.* Концепты истина, правда, ложь как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук, 10.02.19. КрГУ, Краснодар, 2006. 200 с.
50. *Зильберман Д.* Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 71–104.
51. *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М., Иностранная литература, 1962. 572 с.
52. *Ионина Н.А.* Сто великих картин. М., Вече, 2002.
53. *Караваева В.В.* Актуализация этничности в художественной культуре Удмуртии на рубеже XX–XXI вв. Ижевск, 2009, 178 с.
54. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 2002. 477 с.
55. *Карелова Л.Б.* У истоков японской трудовой этики. История в портретах, М., Восточная литература, РАН. 2007.
56. *Карлов В.В.* Повседневность как объект и предмет рефлексии // Вестник антропологии. 2015. № 4. С. 201–205 (Рец. на: *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М., Языки славянской культуры, 2013. 752 с.).
57. *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. СПб, 2000. 320 с.
58. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., Канон, 2004. 432 с.
59. *Клишина О.С.* Этнологический факт в художественной литературе (на примере творчества Н.С. Лескова) // Учёные записки Орловского госуниверситета. Орёл, 2007. С. 344–347.
60. *Клишина О.С.* Методология этнологического исследования художественных текстов (на примере творчества А.Н.Островского, Н.С.Лескова и А.П.Чехова), М., 2010. 202 с.
61. *Клишина О.С.* Нарративный анализ художественного текста как источник по этнологии (на примере прозы А.П.Чехова) // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. № 10. 2010. С. 47–53.
62. *Клюева И.В.* Самопрезентация в автопортретах С. Эрзи: миф и исповедь // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова // Материалы международной конференции (СПб, 26027 мая 1997 г.). СПб, Изд-во Института человека РАН (СПб отделение), 1997. С. 104.
63. *Клюева И.В.* Образы представителей мордовского этноса в творчестве Степана Эрзи // Финно-угорский мир, 2014, № 2. С. 86–93.
64. *Кожин В.В.* Грех и святость русской истории. Л., 1988.
65. *Козинцев Г.* Наш современник Вильям Шекспир. М., Искусство, 1966. 352 с.
66. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб., Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
67. *Комарова Г.А.* Статистико-этнографические исследования в Урало-Поволжье // Вестник антропологии. 2015. № 3 (31). С. 5–24.
68. *Крылова Р.И.* Художественная литература как источник при изучении отечественной истории // www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/37.html
69. *Культура и пространство. Историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест /* Под. ред. В.К.Мальковой и академика В.А.Тишкова. Ростов-на-Дону, 2012. 311 с.

70. *Ламажая У.К.* Архаизация общества. Тувинский феномен / Предисл. В.Г. Федотовой. М., Книжный дом, Либроком, 2013. 272 с.
71. *Лейнг К.* Социальная справедливость с точки зрения культуры // *К. Лейнг, Дж. Стефан.* Психология в культуре. М., 2003. С. 598–655.
72. *Лесков Н.С.* Очарованный странник // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М., Изд-во «Правда», 1989. С. 218–336.
73. *Ли Бо.* Храм на вершине горы // Интернет-ресурс, 2016 // http://samlib.Ru/_1_a/li_bo.shtml
74. *Лисицын А.Г.* Анализ концепта свобода – воля – вольность в русском языке: канд. дис. М., 1995. 259с.
75. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
76. *Лихачёв Д.С.* Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л., «Наука», 1985. 575 с.
77. *Лихачёв Д.С.* Литература – реальность – литература. Л., Сов. писатель, 1981. 214 с.
78. *Лишаев С.А.* Правда и истина (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия, филология». 2006. № 1 (4). С. 173–209.
79. *Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* В мире жить – с миром жить. Дружба и взаимопонимание в фольклоре народов России. М., РУДН, 2002.
80. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. СПб., Искусство-СПб, 1996. 846 с.
81. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды, Центр концепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11–35.
82. *Малькова В.К.* Образы этносов в республиканских газетах. М., ИЭА РАН, 1991. 183 с.
83. *Малькова В.К., Тишков В.А.* Культура и пространство. Кн. 1: Образы российских республик в Интернете. М., ИЭА РАН, 2009. 147 с.
84. *Малькова, Тишков (ред.).* Культура и пространство. Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. Мальковой В.К., Тишкова В.А. М., ИЭА РАН, 2010. 183 с.
85. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание, М., 1999.
86. *Мартынова М.Ю.* Мир традиций и межкультурное общение. М., РУДН, 2004. 348 с.
87. Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Варгановича Арутюняна / Отв. ред. М.Н. Губогло, М., Наука, 2005. 406 с.
88. Губогло (ред.) Гагаузы в мире и мир гагаузов / Отв. ред. и сост.: М.Н. Губогло. Том. 2: Мир гагаузов. Комрат – Кишинев, Комратский гос. ун-т, 2012. 1012 с.
89. *Можейко М.А.* От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // Живая этика и наука. Сб.ст. М., 2008. С. 260.
90. *Никулчев Ю.В.* Время, бытие, быт в зеркалах русской литературы XIX века // История России XIX–XX вв. Новые источники понимания. М., 2001. С. 58–63.
91. *Орищенко С.С.* Искусство звучащего слова. Кн. IV. Живопись. Самара, Изд-во Самарского научного центра РАН, 2013. 219 с.
92. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., Новый Хронограф, 2010. 440 с.
93. *Попов Э.А.* Русский консерватизм: Идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Дону, Изд-во Рост. ун-та, 2005. 226 с.
94. *Полонский, Яков.* К портрету М.И. Лопухиной // Интернет-ресурс: <http://www.stihi-XIX-XXvekov.ru/polonskiy/135.html>

95. *Рачков П.А.* Правда – справедливость // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 14–33.
96. *Румянцев А.* Возле Распутина было теплее // Литературная газета. 2017. № 10. 15–21 марта.
97. *Сараскина Л.И.* «Бесы» – роман предупреждение. М., Советский писатель, 1990. 480 с.
98. *Сараскина Л.И.* Испытание будущим. *Ф.М.Достоевский как участник современной культуры, М., Прогресс-традиция, 2010. 600 с.*
99. *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. Нара. История, религия, культура, М., Искусство, 1994. 271 с.
100. *Сергеев Д.В.* Социально-культурная ситуация в России начала XXI века: рецедивная культура, архаизация, изобретённая архаика // Мир России. 2012. № 3.
101. *Син Беон Сунг.* Этничность (кореанизм) в художественной культуре Республики Корея (на примере современной живописи западноевропейского стиля Ким Хван Ки и Пак Сун Гана). СПб., 1997.
102. *Скатов, Николай.* О культуре. СПб., Изд-во СПбГУП, 2010. 416 с.
103. *Скворцова Е.Л.* Сложность культуры в воззрениях японских философов XX в. // Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А.Тишков, Е.И. Филиппова. М., Политическая энциклопедия, 2016. С. 327–344.
104. *Смирнова Е.Е.* Смысловое наполнение концептов правда и истина в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи: дис... канд.филол.наук. Нижний Новгород, 2016. 272 с.
105. *Соловей, Валерий.* Revolution. Основы революционной борьбы в современную эпоху. М., ЭКСМО, 2016. 320 с.
106. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., Наука, 1973. 331 с.
107. *Ставропольский Ю.В.* Философия культуры и этнокультурная идентичность. М., Перо, 2016. 188 с.
108. *Степанов Ю.С.* Язык и метод в современной философии языка. М., Языки русской культуры, 1998. 674 с.
109. *Стернин Г.Ю.* «Мои воспоминания» Александра Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX в. // Александр Бенуа. Мои воспоминания в пяти книгах. Кн. 4, 5. М., Наука, 1990. С. 577–622.
110. *Трофимов С.* Ностальгия // Интернет ресурс: <http://hm6.ru/trofim/7890-trofim-nostalgiya.html>
111. *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Всё о любви. Городок. Рысь. М., Книжный клуб, Книговек, 2011.
112. *Тишков В.А.* Три карты. Теория и общие подходы к проблеме «культуры и пространства» // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территории, регионов и мест. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 7–26.
113. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., Наука, 2013. 649 с.
114. *Тишков В.А.* От этноса к этничности и после... // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 522.
115. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
116. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., Ин-т языкознания, 1996. С. 139–163.

117. *Файзуллин Ф.С.* Социальная справедливость и пути её реализации в национальной политике. Уфа, АН РБ, Гилем, 2011. 252 с.
118. *Фахрутдинова Ф.Ф.* Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингво-культурологического анализа русскости. Иваново, Ивановский ГУ, 2000. 204 с.
119. *Федотова В.Г.* Истина и правда повседневности // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания* / Отв. ред. И.Т. Касаткин. М., Политиздат, 1990. 464 с.
120. *Филитпова Е.И.* Художественная литература как источник для этнографического изучения города // *Советская этнография*. 1986. № 3–4. С. 26–36.
121. *Философский энциклопедический словарь* / Сост. Л.Ф. Ильичёв и др. М., Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
122. *Фромм, Эрих.* Душа человека. М., АСТ-ЛТД, 1998. 664 с.
123. *Харина О.В.* Правда, истина в романах Ф.М. Достоевского: дис...канд. филол. Наук., М., МПГУ, 2007. 279 с.
124. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб, Питер, 2002. 272 с.
125. *Чепуров, Анатолий.* Избранное. М., Художественная литература, 1979.
126. *Черников М.В.* Концепты правда и истина в русской культурной традиции // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2. С. 164–175.
127. *Чиннов, Игорь.* Собрание сочинений: в 2-х т. Том 1. М., 2000.
128. *Шакурова Г.Р.* Современные подходы к изучению этничности // *Интернет-ресурс*, 2012 // http://superinf.ru/view_helpstud.Php?id=2059
129. *Швейцер, Альберт.* Культура и этика / Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. М., Прогресс, 1973.
130. *Шмелёв А.Д.* Правда vs истина в диахроническом аспекте // Шмелёв А.Д. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., Наука, 1995. С. 52–54.
131. *Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки. М., Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. 312 с.
132. *Этнокультурная специфика языкового сознания: сб.ст.* / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., ИЯ РАН, 2003. 256 с.
133. *Этнология (этнография). Учебник для академического бакалавриата* / Под ред. В.А. Козьмина, В.С. Бузина. М., Юрайт, 2015. 438 с.
134. *Яшин А.* Не только слова. М., 1957.
135. *Gamzatov, Rasul.* My Dagestan. 1968.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикиской ССР.
- №10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 *Сагнаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 *Тышков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 *Гурвич И.С., Батьянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.

- №17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
- №18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакаской АО (май–июнь 1990 г.).
- №19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Мennonиты Оренбургской области.
- №20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
- №3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
- №28 *Сагнаева С.К.* Российское казачество.
- №29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы

суверенизации бывших союзных республик.

- №30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
- №31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
- №32 *Губогло М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 *Гузенькова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 *Праззаускас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 *Соколова И.В.* Политика официального индизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эзенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 *Бутанавев В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 *Батьянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Тартарстане.
- №42 *Буяхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.

- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы.
- №45 Бабич И.Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 Кьибьёва В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
- №47 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 Лопуленко Н.А. Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 Червоная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 Таболина Т.В. Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.
- №61 Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 Столярова Г.Р. Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 Шаров В.Д. Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.

- №64 Бурин В.Н. Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д. Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 Восходов И.И., Комарова Г.А. Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 Шабеев Ю.П., Розгачев М.Б., Котов О.В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 Аккиева С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.
- №69 Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
- №70 Хаджибиев Р., Полякова Т. Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 Куликов К.И., Христолюбова Л.С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.
- №74 Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 Зубков А.А., Маресьев В.В. Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 Гостищева Л.К., Дзадзиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
- №80 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэт-

нических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.

- №82 Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 Ильин В.И. Республика Коми: этнос и политика.
- №84 Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 Рубан Л.С. Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 Смольникова Н.В. Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.
- №89 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 Мартынова М.Ю. Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: Этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 Михайлов С.С. Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана: / Брусина О.И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; Митина Д.А. Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.
- №95 Малькова В.К. Русское население в российских республиках.
- №96 Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
- №97 Лопуленко Н.А. Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
- №98 Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 Каган Микаэлла. Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.

№100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

№101 *Червоная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).

№102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.

№103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.

№104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.

№105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.

№106 *Шаббаев Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.

№107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.

№108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.

№109 *Табалина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.

№110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

№111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).

№112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.

№113 *Червоная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.

№114 *Шницфельдман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.

№115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.

№116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.

№117 *Смольникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.

№118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения

этнической культуры (на примере юганских хантов).

№119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.

№120 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

№121 *Рыжакова С.И.* Латвийское неоязычество и истоки национализма.

№122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.

№123 *Шницфельдман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.

№124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).

№125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?

№126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?

№127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.

№128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.

№129 *Червоная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.

№130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

№131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.

№132 *Перепись – 2002:* проблемы и суждения.

№133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.

№134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.

№135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.

№136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.

№137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.

№138 Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

№139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.

№140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).

№141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.

№142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.

№143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.

№144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полевые заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.

№145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

№146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.

№147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.

№148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.

№149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.

№150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.

№151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.

№152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.

№153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.

№154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.

- №155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
- №156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
- №157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
- №161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
- №162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
- №163 *Забурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.
- №164 *Аксянова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- №165 *Анайбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
- №166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 *Харитонов В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
- №168 *Шльегина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 *Фаис О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.

- №173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 *Губогло М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 *Грачёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 *Финно-угорские народы России:* Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирина А.А., Фондал Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 *Александренков Э.Г.* Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Ан-

- трополого-правовые аспекты.
- №190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 *Анайбан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 *Червеватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI в.).
- №195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шабеев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государств.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Баяева М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.

№207 Харитонов В.И., Ожиганова А.А., Куряшина Н.А. В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).

№208 Бабич И.Л. Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

№209 Локшин А.Е. История российских евреев в школьных учебниках РФ.

№210 Морозов Д.Ю. Североафриканская иммиграция во Франции.

№211 Тер-Саркисянц А.Е. Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени

№212 Кожановский А.Н., Любарт М.К. Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.

№213 Бабич И.Л. Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.

№214 Эпштейн А.Д. В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.

№215 Бабич И.Л., Родионова О.В. Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

№216 Данилко Е.С. Маленький провинциальный город в современной России.

№217 Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.

№218 Европейская языковая Хартия и Россия.

№219 Заурбекова Г.В. Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).

№220 Опарин Д.А., Уманская А.И. Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).

№221 Шлыгина Н.В. Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.

№222 Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).

№223 Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от

переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

№224 Устинова М.Я. Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.

№225 Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность.

№226 Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.

№227 Анайбан З.В. Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

№228 Лопуленко Н.А. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.

№229 Комарова Г.А. Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.

№ 232 Устинова М.Я. Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

№ 233 Малькова В.К. Полиэтничная Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве».

2013 г.

№ 234 Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 Малькова В.К. Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 Белова Н.А. Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шпинев В.Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

№ 240 Остапенко Л.В., Субботина И.А. Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.).

2015 г.

№ 241 Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности.

№ 242 Тишков В.А. Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход).

№ 243 Малькова В.К. «Крым наш!» в российском информационном пространстве.

№ 244 Снежкова И.А. Армянская церковь в Москве.

№ 245 Эпштейн А.Д. Европейское еврейство в начале XX начале XXI вв.: исчезающие этнокультурные общности?

№ 246 Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь вне России: Киргизия.

№ 247 Григулевич Н.И. Опыт исторического и этнозоологического анализа Верхневолжского региона.

2016 г.

№ 248 Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия) / Кол. авт.: Р.Н. Игнатъев, А.Н. Кожановский, И.А. Кучерова, Е.В. Холлер.

№ 249 Агеева Е.А., Данилко Е.С. Казаки-уральцы – этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане.

№ 250 Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации.

№ 251 Губогло М.Н. Гагаузия и Приднестровье – юго-западные форпосты Русского мира (по итогам этносоциологических исследований).

- № 252 *Бабич И.Л.* Особенности межрелигиозной жизни в современной Москве.
- № 253 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя).
- № 254 *Губогло М.Н.* Бинарные оппозиции в культуре гагаузов: миротворческие и конфликтогенные ресурсы (лексико-семантическое исследование).

2017 г.

- № 255 *Малькова В.К.* Трехлетняя годовщина присоединения Крыма и ее медийная актуализация в России: за и против.

- № 256 *Любарт М.К.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. I – Франция.
- № 257 *Кожановский А.Н.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. II – Испания: Стремительное превращение из страны эмиграции в страну иммиграции.
- № 258 *Керимова М.М.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. III – Хорватия:

- № 259 *Толмачева А.Ю.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. IV – Германия.
- № 260 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Молодёжь в городах Калининградской области.
- № 261 *Губогло М.Н.* Этничность как истина и как правда (Опыт лексико-семантического исследования).

Подписано к печати 18.09.2017 Тир. 100 экз. Печ. л. 3,8 Заказ № 121

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

Губогло Михаил Николаевич – Заведующий ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: этносоциология, этнополитология, тюркология, социолингвистика. Автор более 550 публикаций в области этносоциологии, этнополитологии, тюркологии, социолингвистики, в том числе книг: «Энергия памяти» (1983), «Современные этноязыковые процессы в СССР» (1984), «Мобилизованный лингвизм» (1993), «Развивающийся электорат России» (1996), «Языки этнической мобилизации» (1998), «Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом. Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений» (2000), «Идентификация идентичности» (2003), «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (2004), «Именем языка» (2006), «Феномен Удмуртии» том 9 «Траектории деинфантилизации» (2006, в соавторстве), «Антропология повседневности» (2013), «Страсти по доверию» (2014), «Энергия доверия» (2014).

Публикации в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»: №№ 32, 33 (1992), 77, 78, 79, 80 (1994), 150 (2002), 174 (2004, в соавторстве), 239 (2014, в соавторстве), 241 (2015), 251 (2016).

Guboglo Mikhael Nikolaevich – Head of the Centre for the Study of Interethnic Relations IEA RAS. Scientific interests: ethnosociology, ethnopolitology, turkology, sociolinguistics. Author of more than 550 publications in the field of ethnosociology, ethnopolitical science, Turkic studies, sociolinguistics, including books: "Energy of memory" (1983), "Modern ethnolinguistic processes in the USSR" (1984), "Mobilized lingvitsizm" (1993), "Developing electorate of Russia" (1996), "Languages of ethnic mobilization" (1998), "Can the two-headed eagle fly with one wing. Reflections on the law-making in the field of ethnic-state relations" (2000), "Identification of identity" (2003), "Russian language in the ethnopolitical history of the Gagauz" (2004), "In the name of language" (2006), "Udmurtia phenomenon" volume 9 "Trajectories of deinfantilization" (2006, co-authored), "Anthropology of everyday life" (2013), "Fervors on trust" (2014), "Energy of trust" (2014). Publications in a series "Studies in applied and urgent ethnology": №№ 32, 33 (1992), 77, 78, 79, 80 (1994), 150 (2002), 174 (2004, co-authored), 239 (2014, co-authored), 241 (2015), 251 (2016).

